

ХОРАС
МАККОЙ

Загнанных лошадей пристреливают,
не правда ли?

Скажи будущему – прощай

+ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА +

Хорас Маккой
Загнанных лошадей
пристреливают, не правда ли?
Скажи будущему – прощай
Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50668091

Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли? Скажи будущему –

прощай:

ISBN 978-5-17-073674-4

Аннотация

«Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» – шедевр Маккоя, положенный в основу легендарного фильма Сидни Поллака с Джейн Фондай в главной роли. Танцевальный марафон, дающий участникам надежду избавиться от голода и нищеты, оборачивается настоящим кошмаром...

«Скажи будущему – прощай» – классический детектив-нуар в лучших традициях Дэшила Хэммета и Реймонда Чандлера. Доверять нельзя никому, рассчитывать можно только на себя, а стрелять надо первым – таковы законы, по которым живут обитатели темных переулков Лос-Анджелеса. Любимые лгут. Друзья предают. Не подведет только пистолет...

Содержание

Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?	6
Обвиняемый, встаньте!	6
Существуют ли какие-либо юридические основания, препятствующие вынесению приговора?	7
Если не существует юридических оснований, препятствующих вынесению приговора...	8
Руководствуясь законом, суд решил...	17
За преступление – совершение убийства первой степени...	25
В котором решении присяжных был признан виновным...	35
Определяет вам высшую меру наказания, предусмотренную законом...	46
Роберт Сайвертин...	57
Шериф округа лос-анджелес передаст вас в руки палача в тюрьме штата...	68
Который подвергнет вас...	79
В день 19 сентября 1935 года...	96
Приведет смертный приговор в исполнение...	110
Способом, предписанным законами штата Калифорния...	122

**Хорас Маккой
Загнанных лошадей
пристреливают,
не правда ли?**

Скажи будущему – прощай

© Horace McCoy, 1935, 1948

© Перевод. О. Кубатько, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?

Обвиняемый, встаньте!

1

Я встал. На миг я снова увидел Глорию, как она сидит на скамеечке на набережной. Пуля только что пробила ей висок, еще даже не потекла кровь. Казалось, вспышка от выстрела, осветившая лицо Глории, еще не погасла. Все представлялось таким простым и таким ясным. Глория была совершенно расслаблена и спокойна. Удар пули чуть отвернул от меня ее голову, но по губам я видел, что она улыбается. Прокурор ошибался, когда говорил присяжным, что она умерла в агонии, оставшись темной ночью на берегу Тихого океана совсем одна, без друзей, наедине с безжалостным убийцей. Он во всем ошибался. Она совсем не мучилась. Была умиротворенна и спокойна. И улыбалась. Тогда я впервые увидел, как она улыбается. Так как же она могла быть в агонии?

И без друзей она тоже не была. Ее лучшим другом был я. Ее единственным другом. Так как же она могла умереть в одиночестве?

Существуют ли какие- либо юридические основания, препятствующие вынесению приговора?

2

Что я на это мог сказать? Все знали, что Глорию убил я; единственного человека, который мог мне хоть чем-то помочь, не было в живых. Я просто стоял, смотрел на судью и качал головой. Мне нечем было защищаться.

– Просите суд о снисхождении, – твердил назначенный моим защитником адвокат Эпштейн.

– Что вы сказали? – спросил судья.

– Ваша честь, – громко произнес Эпштейн, – мы отдаем себя на милость суда. Этот молодой человек признает, что убил ту девушку, но тем самым он лишь оказал ей услугу...

Судья ударил по столу, глядя на меня.

Если не существует юридических оснований, препятствующих вынесению приговора...

3

С Глорией мы познакомились при довольно забавных обстоятельствах. Она тоже пыталась попасть в кино, но это я узнал позже. Возвращался я однажды со студии «Парамаунт» по Мелроуз-стрит и слышу, кто-то кричит:

– Эй! Эй!

Я обернулся и увидел, как она бежит ко мне и машет рукой. Я остановился и помахал ей в ответ. Когда, задыхаясь, вся в поту, она добежала до меня, я вдруг понял, что совсем ее не знаю.

– Проклятый автобус, – простонала она.

Я огляделся и кварталом дальше увидел автобус, удаляющийся в сторону студий компании «Вестерн Юнион».

– Ах вот оно что! – воскликнул я. – А я думал, вы машете мне...

– С какой стати мне вам махать? – фыркнула она.

Я рассмеялся:

– Не знаю. Нам по пути?

– Пожалуй, до «Вестерн» я спокойно могу дойти и пешком, – заявила она, и мы двинулись к павильонам киносту-

дии.

Так все это началось, эта история кажется мне очень странной и сегодня. Я вообще ничего не понимаю. Много раз думал о случившемся, но все равно не понимаю. Ведь убийства-то не было. Один человек пытался оказать другому услугу, и вдруг выясняется, что его за это убьют.

Они собираются меня убить. Я точно знаю, каков будет приговор судьи. Стоит взглянуть на него, и становится ясно, что произнесет он его с радостью, и к тому же, я уверен, люди в зале тоже будут рады его услышать.

Возьмем день нашего с Глорией знакомства. Чувствовал я себя в тот день неважно: все еще был немного простужен, но все равно заглянул в «Парамаунт», потому что Штернберг снимал там какой-то фильм о России, и я подумал, вдруг и мне на студии перепадет какая-нибудь работенка. Я всегда говорил себе: «Что может быть лучше, чем работать на Штернберга, Мамуляна или Болеславского?.. Ты получаешь зарплату за то, что наблюдаешь за их работой над фильмом, и вдобавок кое-что узнаешь о композиции, о верном темпе, об углах съемки...» Ну, в общем, я и заглянул в «Парамаунт».

Внутри я не попал и потому простоял у ворот до обеда, пока не появился один из ассистентов Штернберга, вышедший перекусить. Я увязался за ним и спросил, есть ли хоть какой-то шанс попасть в массовку.

– Никакого, – сказал он и ударился в объяснения, что фон

Штернберг статистов в свои фильмы отбирает очень тщательно и неизвестно кого не берет.

Я подумал, что заявить такое человеку может только хам, но знал, в чем крылась причина такого ответа: мой костюм едва ли мог служить мне хорошей рекламой.

– Разве это не костюмный фильм? – спросил я.

– Всех статистов нам подобрало агентство, – заявил он и поспешил от меня отделаться.

Больше я никуда уже не собирался, просто катался в своем «роллс-ройсе», а люди показывали на меня пальцем и говорили, что я величайший режиссер на свете... и вдруг услышал крик Глории... Ну, теперь вам, должно быть, ясно, как завязываются подобные знакомства? И вот мы шагали по Мелроуз-стрит в сторону «Вестерн-юнион» и оживленно болтали; когда мы подошли к студии, я уже знал, что зовут ее Глория Битти, и что она статистка, и что ей ну никак не везет; и ей тоже кое-что стало известно обо мне. Очень она мне понравилась.

Вместе с подругами она снимала маленькую квартирку неподалеку от Беверли, я же обитал всего в нескольких кварталах от их дома, так что снова мы с Глорией встретились в тот же вечер. Собственно, во всем виноват именно этот первый вечер, но и сегодня я не возьму грех на душу, не скажу, что сожалею о нашей встрече. У меня было всего семь долларов, я их заработал, отпуская содовую в магазине (подменял одного приятеля, подруга которого залетела, и ему при-

шлось везти ее в Санта-Барбару на аборт), и потому я спросил Глорию, что она предпочтет: пойти в кино или посидеть в парке.

– В каком парке? – поинтересовалась она.

– Ну, есть тут один неплохой.

– Ладно, – согласилась она, – все равно фильмами я уже сыта по горло. Провалиться мне на этом месте, если я не лучшая актриса, чем большинство девиц, что в них играют. Пойдем посидим, на людей поглядим...

Я был рад, что она выбрала парк. Там всегда было здорово и спокойно. Дивное место для отдыха. Парк был невелик, примерно с квартал, но зато благодаря густой и обильной растительности – повсюду росли пальмы ярдов по двадцать высотой, с растрепанными хохолками наверху – в нем было много тени. Очутившись в этом парке, любой человек чувствовал себя в безопасности. В своих фантазиях я часто представлял себе, что пальмы – это солдаты в шлемах с перьями, моя личная стража, охраняющая мой собственный остров...

Парк был просто создан для отдыха. Сквозь пальмы виднелись ряды зданий, громоздкие силуэты домов с красной светящейся рекламой на крышах, багровое зарево от которой заливало все небо. Но если вам хотелось забыть обо всем этом, стоило только попристальнее взглянуться в окружающую вас зелень, и тотчас же привычные суэта и шум города начинали отступать.

– Я раньше не замечала этого парка, – протянула Глория.

– А мне тут нравится. – Я снял пиджак и расстелил его на газоне, чтобы она могла сесть. – Я хожу сюда несколько раз в неделю.

– Тогда тебе здесь действительно нравится, – согласилась она и опустилась на землю.

– Давно ты в Голливуде? – спросил я.

– Около года. Я уже снялась в четырех фильмах. Могло быть и больше, но агентство не хочет ставить меня на учет.

– Меня тоже, – кивнул я.

Если в агентстве по подбору актеров вас не ставят на учет, шансов сниматься у вас практически нет. Обычно с больших студий звонят в агентство и говорят, что нужны шесть шведов, или четыре грека, или два типичных чешских крестьянина, или шесть княгинь, а уж агентство по своей картотеке подбирает подходящих актеров. Мне было совершенно ясно, почему Глорию не ставили на учет. Слишком светлые волосы, слишком мала ростом и старовато выглядит. В нарядном платье она могла бы смотреться эффектно, но и тогда никто не назвал бы ее красавицей.

– Удалось тебе познакомиться с кем-нибудь, кто может помочь? – спросил я.

– Как в этой публике угадать, кто может помочь, а кто нет? Сегодня он электрик, а завтра продюсер. Единственная возможность поймать крупную рыбу – это прыгнуть на капот его или ее автомобиля, когда он будет проезжать мимо. И

откуда мне знать, кто из звезд, из всех этих дам или господ, действительно захочет помочь мне? Последнее время, судя по тому, что я здесь вижу, мне все больше кажется, что я занималась не тем делом...

– А как ты вообще попала в Голливуд?

– Ну... сама не знаю... – задумалась она ненадолго. – Но это все равно лучше, чем жизнь, которую я вела дома.

Я спросил, откуда она.

– Из Техаса. Из западного Техаса. Был там когда-нибудь?

– Нет, я из Арканзаса.

– Ну, в западном Техасе просто кошмар, – вздохнула она. – Я жила у дяди с тетушкой. Дядя работал на железной дороге. Видела я его раз, максимум два в неделю. И слава Богу.

Она запнулась, ничего больше не сказала и уставилась на багровое зарево, дрожавшее над домами.

– Но у тебя все же был дом, – заметил я.

– Это ты так считаешь. Мне казалось по-другому. Когда дядя приезжал домой, он вечно лез ко мне и хватал за что попало, а когда его не было, мы непрерывно цапались с теткой. Старая дура боялась, что о нас с ее муженьком будут сплетничать...

«Да, хороши родственнички!» – подумал я.

– Ну вот, и я в конце концов сбежала в Даллас, – продолжала она. – Был там когда-нибудь?

– В Техасе в жизни не был.

– И ничего не потерял, – кивнула она. – Я не могла найти работу, и тогда мне пришло в голову спереть что-нибудь в магазине, пусть полиция обо мне позаботится.

– Недурная идея, – признал я.

– Роскошная, – подхватила она мои слова. – Только ничего не вышло. Меня арестовали, факт, но детективы пожалели меня и отпустили. Чтобы не подохнуть с голоду, я стала жить с одним сирийцем, торговавшим сосисками на углу за мэрией. А он поддавал. И к тому же жевал табак... Был ты когда-нибудь в постели с типом, который поддает?

– Думаю, нет, – хмыкнул я.

– Впрочем, я бы и это пережила, – продолжала она. – Но когда он заявил, что отблагодарить его я смогу тем, что он будет трахать меня на кухонном столе, я не выдержала. И через пару дней приняла яд.

«Господи Боже!» – воскликнул я в душе.

– Но приняла слишком мало, мне только плохо стало. Брр, до сих пор чувствую эти боли в желудке. Неделю меня продержали в больнице. Ну а там мне пришло в голову отправиться в Голливуд.

– Почему именно в больнице? – спросил я.

– А я там читала все эти журналы про кино. Когда меня выписали, вышла на дорогу голосовать попуткам. Ну разве не смешно?..

– Пожалуй, да, – попытался я усмехнуться. – У тебя нет родных?

– Уже нет. Отец погиб в войну во Франции. Я бы тоже хотела... погибнуть на войне.

– А почему бы тебе не наплевать на всех этих киношников? – спросил я.

– А зачем? Ведь тут я за ночь могу стать звездой. Возьми хотя бы Хепберн, Маргарет Салливен или Джозефину Хатчисон... Но я скажу, что бы я сделала, если бы у меня хватило духу: прыгнула бы из окна, или легла под трамвай, или еще что...

– Это чувство мне знакомо, – заметил я, – да, знакомо.

– Мне кажется странным, – продолжала она, – что так много возни с живыми и так мало – с умирающими. Почему все эти высоколобые ученые думают над тем, чтобы продлить жизнь, хотя надо бы найти средства, чтобы приятно с ней покончить. На свете наверняка полно людей вроде меня, которые хотят умереть, только духу не хватает...

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – кивнул я, – прекрасно понимаю.

Потом мы оба помолчали.

– Одна приятельница уговаривала меня записаться на танцевальный марафон на пляже, – сказала она. – Еда и ночлег задаром, пока выдержишь, а если выиграешь, получишь тысячу долларов.

– Еда задаром – звучит заманчиво.

– И это еще не главное. На марафон ходит уйма продюсеров и режиссеров. Всегда есть шанс, что тебя заметят и возь-

мут на роль в каком-нибудь фильме... Что скажешь?

– Я? Куда там, я не умею танцевать...

– И не надо, достаточно просто двигаться.

– Лучше и пробовать не буду – вздохнул я. – Я был серьезно болен. Подхватил желудочный грипп и чуть не умер. На столько ослаб, что до туалета ползал на четвереньках. Нет, лучше уж я и пытаться не буду, – покачал я головой.

– Когда это было?

– Неделю назад.

– Тогда ты уже в порядке.

– Нет, не совсем... лучше не пробовать. Могут быть рецидивы...

– Я бы за тобой приглядела.

– Может быть, через неделю, – начал я.

– Через неделю будет поздно. Да у тебя и сейчас сил – дай Бог всякому, – сказала она.

Руководствуясь законом, суд решил...

4

Танцевальный марафон проходил в курзале на молу у пляжа, в огромном старом бараке, где когда-то был танцевальный зал. Барак стоял на сваях, и под ногами у нас днем и ночью шумел океан. Я чувствовал, как он дышит, чувствовал кончиками пальцев ног, словно через стетоскоп.

Внутри была паркетная площадка для танцующих, десять ярдов в ширину и почти шестьдесят в длину, вокруг нее с трех сторон – ложи с креслами, а за ними скамьи, как в цирке, для публики попроще. В конце площадки возвышался помост для оркестра. Играл оркестр только ночью, и хорошим его при всем желании назвать было нельзя. Днем приходилось довольствоваться той музыкой, что удавалось поймать по радио, – нам ее транслировали через репродукторы. Чаще всего – слишком громко, так что весь зал сотрясался от грохота. Были там распорядитель, в чьи обязанности входила забота о том, чтобы посетители чувствовали себя как дома; два арбитра, которые сновали между танцующими и наблюдали за порядком на площадке; два вышибалы, две медсестры и даже доктор на случай, если кому понадобится неотложная помощь. Правда, доктор тот не слишком походил на врача – был слишком молод.

Для участия в танцевальном марафоне записались сто со-

рок четыре пары, но шестьдесят одна отпала уже в первую неделю. По правилам танцевать полагалось час пятьдесят. Потом следовал десятиминутный перерыв на отдых, при желании в это время можно было вздремнуть. Только за те же десять минут надо было еще и побриться, или умыться, или сделать массаж ног – в общем, успеть все, что нужно.

Хуже всего была первая неделя. Ноги у всех опухли, а под нами без устали шумел прибой, разбиваясь о сваи. До танцевального марафона я всегда любил Тихий океан и все мне в нем нравилось: название, бескрайность, цвет и запах... Я мог часами сидеть, глядя на него, думать о кораблях, куда они уплывают и почему никогда не возвращаются, о Китае и южных морях, да о чем угодно... Но теперь с этим покончено. Я сыт Тихим океаном по горло. И мне наплевать, увижу я его еще когда-нибудь или нет.

Пожалуй, нет. Об этом позаботится судья.

Тертые ребята, имевшие в подобных делах немалый опыт, говорили нам с Глорией, что единственная возможность выстоять в таком марафоне – это иметь четкую систему использования десятиминутных перерывов: нужно научиться жевать бутерброд и одновременно бриться, научиться есть по дороге в туалет или же когда тебе массируют ноги, научиться читать газеты танцуя, научиться спать на плече у партнера; но все это были профессиональные фокусы, требовавшие навыка. Для нас с Глорией они оказались слишком сложными.

Я выяснил, что почти половина участников – профессионалы. Жили они тем, что участвовали в танцевальных марафонах, проводимых по всей Америке, некоторые даже ездили на попутках из города в город. Остальные были обыкновенными парнями и девушками, вроде меня и Глории.

Во время марафона мы подружились с парой номер тринадцать – с Джеймсом и Руби Бэйтс из какого-то городишки в северной Пенсильвании. Это был их восьмой танцевальный марафон; в Оклахоме они продержались 1235 часов и выиграли приз в 1500 долларов. Еще несколько пар утверждали, что они выигрывали тут или там, но о Джеймсе и Руби я знал, что они выдержат до самого финиша. Разве что Руби раньше родит. Она была на пятом месяце.

– Что это с Глорией? – спросил меня как-то Джеймс, когда мы возвращались после короткого отдыха на площадку.

– Ничего. Что ты имеешь в виду? – спросил я. Но я-то знал, в чем дело. Глория опять взялась за свое.

– Она все время твердит Руби, что та дура, раз хочет оставить ребенка. Глория уговаривает ее сделать аборт.

– Не понимаю, как Глория может говорить такие вещи, – постарался я смягчить ситуацию.

– Знаешь, ты скажи ей, пусть оставит Руби в покое, – сказал Джеймс.

Когда раздалась сирена, дав нам старт в двести шестнадцатый раз, я передал Глории слова Джеймса.

– Наплюй, – фыркнула она. – Что он может об этом знать?

– Не понимаю, почему им не завести ребенка, если хочется. Это же их дело, – возразил я. – И я не хочу злить

Джеймса. Он на этих танцах собаку съел и уже не раз помогал нам советами. Что мы будем делать, если он на нас рассердится?

– Ну как же ей не стыдно заводить ребенка, – настаивала Глория. – Зачем рожать ребенка, если у них нет средств, чтобы о нем позаботиться?

– Откуда ты знаешь, что у них нет средств? – спросил я.

– А что им тут делать, если бы это было не так? И она еще заявляет: «У всех есть дети...»

– Куда там, у всех... – заметил я.

– А тебе-то откуда знать? Тебе было бы лучше вообще не появляться на свет...

– Возможно, и так, – согласился я и тут же, чтобы сменить тему, спросил ее: – Как ты себя чувствуешь?

– Как всегда, ни к черту, – буркнула она. – Господи, стрелка на часах совсем не движется!

На помосте у распорядителя был большой транспарант с нарисованными на нем цифрами, обозначающими время. Сейчас стрелка указывала на 216. Над ней была табличка:

Протанцовано часов: 216

Осталось пар: 83

– Как твои ноги?

– Чертова слабость еще не прошла, – пожаловался я. – Этот грипп – жуткая вещь.

– Некоторые девицы думают, что для победы надо будет продержаться по меньшей мере две тысячи часов, – произнесла вдруг Глория.

– Надеюсь, нет, – содрогнулся я. – Не верю, что кто-то сможет столько выдержать.

– У меня уже туфли разваливаются, – сказала Глория. – Если не подсуеетимся и не найдем спонсора, я скоро останусь босиком.

Спонсором участников обычно становилась какая-нибудь компания или фирма, предоставляющая паре свитера со своей рекламой и обеспечивающая их за это всем необходимым.

Мимо нас проплыли Джеймс и Руби.

– Ты ей сказал? – спросил Джеймс, не глядя на меня. Я кивнул.

– Подожди-ка минутку, – возмутилась Глория, когда они уже начали удаляться. – Это что ты себе позволяешь – договариваешься с ним за моей спиной?

– Скажи своей цаце, пусть лучше оставит нас в покое, – сказал Джеймс, по-прежнему обращаясь только ко мне.

Глория собиралась ответить, но, прежде чем ей это удалось, я оттащил ее подальше. Только скандалов нам не хватало.

– Засранец чертов, – бросила она.

– Он возмущен, – сказал я. – И к чему все это?

– А ну пойдём, – не унималась она. – Я ему покажу по-кой...

– Глория, – заметил я, – не лучше ли тебе последить за собой?

– Потихе, потихе, ребята, – шикнул кто-то. Я оглянулся. Это был один из арбитров, Ролло Петерс.

– Да пошел ты... – огрызнулась Глория. Я почувствовал, как напряглись под моей рукой мышцы ее спины.

– Тихо. Прекратите, – настаивал Ролло. – Вас слышат люди в ложах. Соображаете, где вы? В кабаке, что ли?

– Кабак бы не помешал, – буркнула Глория.

– Что да, то да, – поддержал я.

– Я вас предупредил, – насупился Ролло. – Повторять не буду. Зрители таких вещей не переносят.

– Зрители? Где ты их видишь? – съязвила Глория.

– Не беспокойтесь, оставьте это нам. – Ролло пронзил меня взглядом.

– Ну да, точно, – согласился я.

Он подул в свисток, и все остановились. Некоторые пары к этому времени вообще едва двигались, лишь бы их не дисквалифицировали.

– Отлично, дети мои, – сказал он, – а теперь устроим небольшой забег.

– Небольшой забег, ребята! – объявил в микрофон распорядитель Рокки Граво. Его голос из репродуктора разнесся по всему залу и перекрыл шум прибоя.

– Небольшой забег вокруг площадки... Попрошу музыку! – крикнул он оркестру, и оркестр заиграл. Пары понево-

ле зашевелились поживее.

Забег продолжался минуты две, а когда кончился, Рокки личным примером вызвал аплодисменты и потом сказал в микрофон:

– Взгляните на нашу молодежь, дамы и господа. Свеженькие как огурчики после двухсот шестнадцати часов всемирного чемпионата по танцевальному марафону, состязаний в мастерстве и выносливости. Ребятам гарантировано семиразовое питание – три главных блюда и четыре легкие закуски. Некоторые за время состязаний даже прибавили в весе; штат наших врачей и медсестер находится наготове и неустанно заботится о том, чтобы все участники были в наилучшей спортивной форме. А теперь я попрошу пару номер четыре, Марио Петрони и Джеки Миллер, о сольном выступлении. Ну, покажитесь нам, номер четыре. Вот они, дамы и господа, не чудесная ли парочка?!

Нескладный итальянец Марио Петрони и щуплая блондинка Джеки Миллер под жидкие аплодисменты поднялись на сцену. Они что-то сказали Рокки, а потом принялись отбивать чечетку, причем делали это очень плохо. Впрочем, казалось, ни Марио, ни Джеки не отдавали себе отчета, что их чечетка никуда не годится. Когда они закончили, несколько человек бросили на площадку монеты.

– Погуще, дорогие друзья, – призвал Рокки. – Пусть прольется серебряный дождь! Погуще, погуще.

О площадку звякнуло еще несколько монет. Марио и Дже-

ки их собрали, проходя возле нас.

– Сколько? – спросила Глория.

– Семьдесят пять центов, – ответила Джеки.

– Откуда ты, малышка? – спросила Глория.

– Из Алабамы.

– Это и видно.

– Нам бы тоже нужно подготовить номер, – сказал я Глории. – Немного подзаработать не помешает.

– Радуйтесь, что ничего не умеете, – вмешался Марио, – эти выступления – лишняя морока, да и ногам не на пользу.

– Вы уже слышали насчет дерби? – спросила Джеки.

– А что это?

– Какие-то гонки, кажется. В следующем перерыве нам, видимо, скажут, в чем дело.

– Да, дело начинает забирать круче, – заметила Глория.

За преступление – совершение убийства первой степени...

5

В раздевалке Рокки Граво представил нам Винцента (Сокса) Дональда, одного из организаторов марафона.

– Послушайте, ребята, – сказал Сокс, – не расстраивайтесь из-за того, что люди пока почти не ходят на марафон. Чтобы раскрутить подобное мероприятие, нужно время. Вот мы и решили придумать нечто совершенно новое, что наверняка привлечет зрителей. А теперь я расскажу, о чем речь. Мы нарисуем на площадке овальную беговую дорожку, ну как на стадионах, и каждый вечер здесь будут проводиться пятнадцатиминутные забеги. Участвуют все пары. Проигравшие дисквалифицируются. Гарантирую, после этого сюда повалят толпы народу.

– Ну да, включая безбилетников, – хмыкнул кто-то.

– Внутри овала разместим несколько раскладушек, – продолжал Сокс, – и доктор со своим персоналом во время дерби будут наготове. Если кто-то из участников сойдет с дистанции, его партнеру два круга будут засчитывать за один. Вот увидите, ребятки, народ к нам так и повалит. Подождите, если дела пойдут, тут еще появятся тузы из Голливуда... Ну а что с питанием? У кого-нибудь есть жалобы? Отлично,

ребята, мне это нравится. Если вы поддержите нас, мы поддержим вас.

И мы вернулись на площадку. Никто из участников не нашел что возразить. Видно, они считали хорошей идеей все, что способно привлечь сюда людей. Когда я присел на барьер, ко мне подошел Ролло. Оставалось еще две минуты перерыва перед новым двухчасовым туром.

– Не сердись на то, что я тебе говорил, – сказал он. – К тебе это не относится, только к Глории.

– Я знаю. Глория в порядке. Просто она зла на весь свет, вот и все.

– Постарайся ее утихомирить.

– Тяжело, но сделаю что смогу, – пообещал я.

Потом взглянул на дверь женской раздевалки и с удивлением увидел, что Глория и Руби выходят на площадку вместе. Я пошел им навстречу.

– Что ты думаешь о дерби? – спросил я Глорию.

– Лучший способ от нас избавиться, – ответила она.

Свисток возвестил о начале следующего тура.

– Сегодня тут не больше ста человек, – заметил я.

Я положил руки Глории на плечи, она обняла меня за талию, и так мы ходили по паркету. Это разрешалось. Первую неделю марафона нужно было танцевать все время, но потом уже было достаточно просто непрерывно двигаться. Вдруг я увидел Джеймса и Руби, они приближались к нам, и по лицу Джеймса я понял – что-то не в порядке. Хотел было избежать

встречи, но деваться было некуда.

– Я тебе говорил, чтобы ты оставила мою жену в покое. Ты что, не слышала? – накинулся он на Глорию.

– Пошел ты в джунгли, орангутанг, – огрызнулась она.

– Минутку, – вмешался я, – что происходит?

– Она опять приставала к Руби! – рявкнул Джеймс. – Только отвернусь, она ее снова донимает.

– Да плюнь ты, Джим, – сказала Руби, пытаясь оттащить мужа в сторону.

– Нет, не плюну. Я же говорил тебе, чтобы ты держала язык за зубами, ты что, забыла?

– Иди-ка ты отлей...

Прежде чем Глория успела договорить, он заехал ей так, что она больно стукнулась о мое плечо. Оплеуха была жуткая. Этого я так оставить не мог и, размахнувшись, заехал кулаком Джиму в зубы. Он врезал мне левой под ложечку, и я полетел на пары, танцевавшие поблизости. Это меня и выручило, позволив не растянуться на паркете. Тут он бросился на меня, и мы с ним сцепились. Я пытался заехать ему коленом промеж ног, чтобы вырубить его. Это был мой единственный шанс.

Над ухом залился свисток, и кто-то ухватил нас обоих. Это подоспел Ролло Петерс. Он-то нас и растащил.

– Ну хватит, прекратите! – рявкнул он. – Что происходит?

– Ничего, – сказал я.

– Ничего, – сказала Руби.

Ролло поднял руку и помахал стоявшему на сцене Рокки.

– Попрошу музыку, – произнес Рокки, и оркестр заиграл.

– Ну, расходитесь, расходитесь, – разгонял Ролло танцоров, наблюдавших за стычкой, и те стали медленно расходиться по местам. – Пошли, пошли, – поторапливал он их.

– В следующий раз я тебе глотку перережу! – крикнул напоследок Джеймс Глории.

– Да иди ты на...! – не заставила себя ждать Глория.

– Заткнись! – не выдержал я и утащил ее в угол, где мы остановились, переминаясь на месте. – Ты сдурела? – спросил я. – Почему бы тебе не оставить Руби в покое?

– Не волнуйся, ей я больше слова не скажу, хочет плодить ублюдков – ее дело.

– Здравствуй, Глория, – произнес чей-то голос.

Мы оглянулись. В ложе, в первом ряду кресел у самого барьера, сидела пожилая женщина. Я не знал, как ее зовут, но это была весьма приметная старушка. На марафон она ходила каждый вечер и всегда приносила с собой плед и ужин. Как-то вечером она завернулась в плед и осталась на всю ночь. Было ей лет шестьдесят пять.

– Здравствуйте, – ответила Глория.

– Что там случилось? – спросила старушка.

– Ничего, – отмахнулась Глория. – Так, небольшая стычка.

– Как вы себя чувствуете?

– Все пройдет, – заверила Глория.

– Моя фамилия Лейден, – представилась старушка. – А вы – та пара, за которую я болею.

– Спасибо, – кивнул я.

– Я тоже хотела участвовать, – продолжала миссис Лейден, – но меня не допустили. Мол, я слишком стара, но мне ведь только шестьдесят.

– Ну, выглядите вы отлично, – заметил я.

Мы с Глорией продолжали топтаться на месте, держась друг за друга и покачивая бедрами, – ведь нужно было все время двигаться. За спиной старушки в ложу вошли двое мужчин. Оба жевали нераскуренные сигары.

– Копы, – шепнула Глория.

– Нравится вам наш марафон? – спросил я миссис Лейден.

– Очень, – ответила та. – Честно, очень. Такие очаровательные юноши и девушки...

– Двигайтесь, ребята, двигайтесь, – бросил Ролло, проходя мимо. Кивнув миссис Лейден, мы немного отодвинулись.

– Нет, это просто невозможно, – вздохнула Глория. – Ей бы сидеть дома и менять внучатам пеленки. Господи Боже, надеюсь, я до ее лет не доживу.

– Откуда ты знаешь, что те ребята – сыскари? – спросил я.

– У меня на них нюх, – ответила Глория. – Господи, эта старушенция просто невозможна. Видно, она просто помещана на таких штуках. С нее нужно бы брать приплату. – Она покачала головой и повторила: – Надеюсь, я до старости не доживу.

Знакомство с миссис Лейден Глорию крайне расстроило. Она сказала, что та напоминает ей женщину из городка в западном Техасе, где Глория раньше жила.

– Смотри, пришла Элис Фэй, – сказала одна из девушек. – Видишь? Садится вон там, напротив.

Среди зрителей действительно была Элис Фэй в сопровождении двух мужчин, которых я не знал.

– Видишь ее? – спросил я Глорию.

– И видеть не хочу.

– Дамы и господа, – объявил Рокки в микрофон, – сегодня вечером мы имеем честь приветствовать среди нас одну из самых очаровательных звезд экрана, мисс Элис Фэй. Прошу аплодисменты, дамы и господа.

Все начали хлопать, и мисс Фэй с улыбкой поклонилась. Сокс Дональд, сидевший в ложе недалеко от оркестра, тоже улыбался. Начинала появляться голливудская публика.

– А ты не похлопаешь? – спросил я Глорию.

– С какой стати? Чем она лучше меня?

– Ты просто завидуешь, – сказал я.

– Это ты, черт возьми, угадал, завидую. Пока сама я – никто, я завидую каждому, кто добился успеха. А ты нет?

– Да, пожалуй, что нет, – ответил я.

– Ну, тогда ты ненормальный.

– Эй, глянь-ка, – перебил я ее.

Оба сыскаря покинули ложу миссис Лейден и теперь сидели с Соксом Дональдом. Почти соприкасаясь головами, они

вглядывались в лист бумаги, который держал один из них.

– Отлично, ребята, – сказал Рокки в микрофон. – А теперь, прежде чем вы уйдете на отдых, небольшой забег... Попрошу музыку, – бросил он оркестру и начал хлопать в ладоши и притопывать в такт музыке. Вскоре вместе с ним прихлопывала и притопывала вся публика.

И вот мы все мотались вокруг площадки, не отрывая взглядов от минутной стрелки на часах, когда вдруг Кид Камм из пары номер восемнадцать начал бить свою партнершу по лицу. Придерживал девушку левой рукой, а правой безжалостно хлестал ее по щекам то слева, то справа. Но та не реагировала, ничего не воспринимала, стала просто как бревно. Потом захрипела и рухнула без сознания на паркет.

Арбитр засвистел, и зрители вскочили от возбуждения. Публику, что ходит на танцевальные марафоны, нет нужды расшевеливать дополнительно, едва только что-то случается, они просто вне себя от счастья. В этом танцевальные марафоны схожи с боем быков.

Судьи и две медсестры подняли девушку и отнесли в раздевалку, ноги ее при этом волочились по полу.

– Матти Варис из пары номер восемнадцать потеряла сознание, – сообщил Рокки публике. – В раздевалке ей будет оказана необходимая медицинская помощь. Ничего серьезного, дамы и господа, ничего серьезного. Случившееся лишь в очередной раз доказало, что на чемпионате мира по танцевальному марафону постоянно что-то происходит.

– В последнем перерыве она жаловалась на самочувствие, – заметила Глория.

– Что с ней?

– Да что бы там ни было, – отмахнулась Глория, – назад она уже не вернется. Женщине ее типа нужно дня три-четыре отлеживаться.

– Ну что за невезение, – жаловался Кид Камм, недовольно качая головой. – Просто будто кто-то сглазил: записываюсь на девятый марафон и ни разу еще не дошел до конца. И снова меня подводит партнерша.

– Увидишь, все будет в порядке, – сказал я, чтобы хоть немного подбодрить его.

– Как же!.. – возразил он. – Она сошла с круга. Теперь может убираться обратно на ферму.

Заревела сирена, и это значило, что очередной тур окончен. Все побежали в раздевалки. Сбросив с ног туфли, я рухнул на койку. Почувствовал, как подо мной тут же стал вздыматься океан... и я уснул.

* * *

Я проснулся, задыхаясь, чихая и кашляя. Один из тренеров водил перед моим носом флаконом с нашатырем, так что я порядочно надыхался. Доктор говорил, что это лучший способ разбудить любого человека, даже если тот спит мертвым сном. Попробовать же растряссти человека в таком состоя-

нии можно аж до Судного дня.

– Все нормально, – заверил я тренера. – Я в порядке.

Я сел и потянулся за туфлями. И в это время увидел, что неподалеку стоят те двое сыскарей и Сокс Дональд, как раз у койки Марио. Они ждали, пока его разбудит другой тренер. Наконец Марио повернулся и взглянул на них.

– Привет, приятель, – сказал один из сыщиков. – Ты знаешь, кто это? – И подал Марио лист бумаги.

Я был так близко, что увидел, что это страница, вырванная из полицейского журнала, и на ней – несколько фотографий. Марио посмотрел на фото и отдал лист обратно. – Да, я знаю, кто это, – сказал он и сел.

– Ты не слишком изменился, – заметил второй сыщик.

– Ах ты итальянский засранец! – Сокс замахнулся кулаком. – Ты во что это меня собирался втравить?

– Спокойнее, Сокси, – сказал первый сыщик. Потом повернулся к Марио: – Ну вот что, Джузеппе, собирай вещички. Марио начал зашнуровывать ботинки.

– У меня только пиджак и зубная щетка. Но я хотел бы попрощаться с партнершей.

– У, проклятый макаронник, – не унимался Сокс. – Ну как тут заработаешь, когда все это окажется в газетах, а?

– О партнерше не беспокойся, Джузеппе, – сказал второй сыщик. – Эй ты, парень, – обратился он ко мне, – попрощайся с партнершей Джузеппе за него. – И к Марио: – Пошли, Джузеппе.

– Выведите этого итальянского мерзавца через черный ход, ребята, – попросил Сокс Дональд.

– Все на площадку! – заорал арбитр. – Все на площадку!

– Храни тебя Бог, Марио, – сказал я.

Марио ничего не ответил. Все прошло очень спокойно, очень тихо. Сыскари вели себя так, словно нечто подобное происходит каждый день.

В котором решением присяжных был признан виновным...

6

И вот Марио увезли в тюрьму, а Матти вернулась обратно на ферму. Припоминаю, как меня удивило, что Марио арестовали за убийство. Просто не верилось. Таких приятных ребят, как он, нечасто встретишь. Но это только тогда я не мог поверить. Теперь-то я знаю, что можно быть очень приятным человеком и заодно убийцей. Никто никогда ни с одной девушкой не был так мил, как я с Глорией, но наступил момент, и я выстрелил и убил ее. Так что, как видите, быть приятным и милым вовсе не означает...

Матти автоматически дисквалифицировали, раз врач запретил ей продолжать состязание. Сказал, что если она станет танцевать дальше, то повредит какие-то там органы и никогда не сможет иметь детей. Глория говорила мне, что та ужасно скандалила, обзывала доктора по-всякому и отказывалась уезжать. Но все-таки уехала. Пришлось. Ее просто взяли за горло.

И теперь ее партнер Кид Камм объединился с Джеки. Правилами это дозволялось. Одному можно было танцевать лишь двадцать четыре часа, но если за это время не подберешь партнера, тебя дисквалифицировали. Кид и Джеки бы-

ли рады-радешеньки, что у них составилась пара, по крайней мере так казалось. О потере Марио Джеки особенно не тужила. Для нее он был партнером, и только. Кид же просто сиял, полагая, что сглаз с него как рукой сняло.

– Теперь они вполне могут выиграть, – вздохнула Глория. – Они сильны как лошади. Эта девка из Алабамы вскормлена кукурузой. Смотри, какой зад. Бьюсь об заклад, она тут продержится хоть полгода.

– Я бы скорее поставил на Джеймса и Руби, – возразил я.

– После всего того, что было?

– А при чем здесь это? Кстати, а что насчет нас? У нас ведь есть шанс выиграть, я прав?

– Думаешь?

– Ну, зато непохоже, что так думаешь ты, – огрызнулся я.

Она покачала головой, но ничего не ответила.

– Чем дальше, тем больше я жду, когда наконец сдохну, – вдруг сказала она.

Вот мы и снова дошли до этой темы. С Глорией можно было разговаривать о чем угодно, но все наши разговоры она всегда сводила к одному и тому же.

– С тобой можно вообще говорить хоть о чем-нибудь, чтобы ты не вспоминала о своем желании умереть?

– Нельзя, – отрезала она.

– Тогда я сдаюсь.

Кто-то сделал радио потише. Музыка наконец-то стала похожа на музыку. (Радио звучало непрерывно весь день. Ор-

кестр появлялся только вечером.)

– Дамы и господа, – сказал Рокки в микрофон, – имею честь сообщить вам, что к нам обратились две фирмы, желающие стать спонсорами двух пар. Косметический салон «Помпадур» с авеню Б, четыреста пятнадцать, берет под свою опеку пару номер тринадцать – Джеймса и Руби Бэйтс. Прошу выразить нашу благодарность косметическому салону «Помпадур», авеню Б, четыреста пятнадцать, аплодисментами, дамы и господа! И вы тоже, ребята.

Все захлопали.

– Вторая пара, получающая спонсора, – продолжал Рокки, – это пара номер двадцать четыре, Педро Ортега и Лилиан Бэкон. Их будет опекать фирма «Пасифик-гараж» из Санта-Моники, Океан-уоквей, одиннадцать триста сорок один.

Снова все зааплодировали.

– Дамы и господа, – не унимался Рокки, – наши замечательные ребята заслуживают гораздо большего числа спонсоров. Поговорите со своими друзьями, дамы и господа, отыщите покровителей для всех участников марафона. Взгляните на них, после двухсот сорока двух часов непрерывного движения они свежи как огурчики... Попрошу аплодисментов для наших замечательных ребят, дамы и господа.

Послышались редкие хлопки.

– И прошу вас не забывать, дамы и господа, – заметил Рокки, – что в конце зала у нас есть бар «Пальмовая роща», где вам подадут прохладительные напитки, пиво всех марок

и бутерброды. Посетите «Пальмовую рощу», дамы и господа... Попрошу музыку, – сказал он радиоприемнику, повернул ручку, и весь зал вновь начал сотрясаться от грохота.

Мы с Глорией протиснулись к Педро и Лилиан. Педро хромал, одна нога у него не сгибалась. О нем рассказывали, что во время корриды в Мехико-Сити бык поднял его на рога. Брюнетка Лилиан безуспешно пыталась попасть в кино, когда услышала о танцевальном марафоне.

– Поздравляем, – сказал я.

– Это доказывает, что в нас хоть кто-то верит, – ответил Педро.

– Если не «Метро-Голдвин-Майер», так хоть гараж, – вздохнула Лилиан. – Только никак не могу привыкнуть к мысли, что у меня появится белье благодаря каким-то гаражам.

– Кто тебе наговорил о белье? – спросила Глория. – Никакого белья тут не дают. Получишь свитер с рекламой гаражей на спине, вот и все.

– И белье тоже, – настаивала Лилиан.

– Эй, Лилиан, – закричал Ролло, – леди из «Пасифик-гаража» хочет поговорить с тобой.

– Кто?.. – переспросила Лилиан.

– Ваш спонсор, миссис Коэн.

– О Господи, – вздохнула Лилиан. – Похоже, Педро, ниже белье получишь ты.

Мы с Глорией переместились к помосту распорядителя. В

это время дня там было просто чудесно. Сквозь двойное окно над барной стойкой в «Пальмовой роще» в зал проникали солнечные лучи, образуя на полу большой треугольник. Это продолжалось всего минут десять, но все эти десять минут мы с Глорией кружились в солнечном треугольнике (нужно было все время двигаться, чтобы не дисквалифицировали), и лучи будто пронзали меня насквозь. Впервые в жизни я оценил солнце. «Когда этот кошмар закончится, – говорил я себе, – я определенно проведу остаток жизни на солнце. Просто дожидаться не могу, когда поеду на съемки какого-нибудь фильма в Сахару».

Ясно, что ничего подобного никогда уже не будет. Я наблюдал, как солнечный треугольник на паркете становился меньше и меньше, а потом начал взбираться вверх по моим ногам. Он полз по моему телу все выше и выше, словно живой. Когда он добрался до подбородка, я привстал на цыпочки, чтобы удержать голову в лучах солнечного света как можно дольше. Глаза я не закрывал. Смотрел на солнце. Оно меня вовсе не слепило. И тут оно исчезло.

Я оглянулся – где Глория. Она стояла у помоста, вертела бедрами и разговаривала с Рокки, сидевшим перед ней на корточках. Рокки тоже покачивался под музыку. (Весь персонал – доктор, медсестры, арбитры, распорядитель и даже продавцы лимонада получили приказ – разговаривая с кем-то из участников, непрерывно двигаться. И начальство строго следило за его соблюдением.)

– Ты ужасно смешно выглядел, когда стоял там на цыпочках, – сказала Глория. – Ну прямо как в балете.

– Потренируйся, и я объявлю твой сольный номер, – хмыкнул Рокки.

– Точно, – поддакнула Глория. – Ну, как сегодня на солнышке?

– Нечего им над тобой издеваться, – буркнул Мак Астон из пары номер пять, оказавшийся в этот момент недалеко от нас.

– Рокки! – раздался чей-то голос. Это был Сокс Дональд. Рокки слез с помоста и пошел к нему.

– Нехорошо смеяться надо мной, – сказал я Глории. – Я вот над тобой никогда не смеюсь.

– Тебе и не нужно, – отмахнулась она, – надо мной есть кому посмеяться. Надо мной издевается сам Господь Бог... Знаешь, чего хочет Сокс Дональд от Рокки?

– Нет. Что ему нужно? – спросил я.

– Знаешь пару номер шесть – Фредди и ту девицу, как ее, Мэнски? Ее мать хочет подать в суд на Фредди и на Сокса. Девица, оказывается, убежала из дому.

– Не понимаю, при чем здесь это, – заметил я.

– Она засадит его в тюрьму, – пояснила Глория. – Дочке-то только пятнадцать. Господи, да сколько их мотается тут вокруг на свободе и без надзора, казалось бы, такой парень должен соображать, что делает.

– Почему ты упрекаешь Фредди? Может, это не его вина.

– По закону – его, – возразила Глория. – И в этом все дело. Только в этом.

Мы с Глорией отступили назад, туда, где стояли Сокс с Рокки, потому что я хотел услышать, о чем они говорят, но разговор шел слишком тихо. Говорил, собственно, только Сокс. Рокки слушал и кивал.

– И немедленно, – услышал я слова Сокса.

Рокки кивнул в знак того, что понял, и вернулся на площадку. Проходя мимо нас, он заговорщицки подмигнул Глории. Подошел к Ролло Петерсу, отозвал его в сторону и несколько секунд что-то настойчиво втолковывал. Потом Ролло начал оглядываться вокруг, словно кого-то разыскивая, а Рокки вернулся на сцену.

– Нашим ребятам осталось всего несколько минут до заслуженного отдыха, – сообщил Рокки в микрофон. – А как только площадка освободится, дамы и господа, наши художники нарисуют на ней большую овальную дорожку для дерби. Сегодня вечером будет дерби, дамы и господа, не забывайте о дерби. Несомненно, это будет самое волнующее зрелище, которое вам доводилось видеть! А теперь, ребята, до отдыха нам остается еще две минуты, небольшой спринт. Покажите зрителям, какие вы свеженькие. А вы, дамы и господа, продемонстрируйте нашим отличным ребятам, что вы их любите. Давайте их поддержим.

Сделав радио погромче, Рокки начал притопывать и прихлопывать. Публика присоединилась к нему и начала нас

подбадривать. Под эти хлопки мы немного оживились, но все не из-за аплодисментов. Просто вот-вот должен был начаться перерыв, во время которого нас обещали накормить.

Глория подтолкнула меня, я поднял глаза и увидел, как Ролло Петерс шагает между Фредди и той девчонкой, Мэнски. Мне показалось, что Мэнски плачет, но прежде чем мы с Глорией к ним протолкались, взревела сирена и все помчались в раздевалки.

Фредди стоял у своей койки и запихивал в сумку запасную пару ботинок.

– Я уже слышал, – сказал я. – Мне очень жаль.

– Да ничего, – отмахнулся он. – Если уж разбираться, кто кого изнасиловал, так это как раз она... Мне ничего не будет, если я уберусь из города до того, как спохватятся копы. Еще повезло, что Сокса заранее предупредили.

– И куда ты? – спросил я.

– Пожалуй, куда-нибудь на юг. Мне всегда хотелось увидеть Мексику. Так что пока...

И он исчез раньше, чем об этом кто-то успел узнать. Проходя мимо служебного выхода, я мельком увидел, как над океаном заходит солнце. На миг это меня так ошеломило, что я просто окаменел. Не знаю, что удивило меня больше – что я впервые за три недели увидел солнце или что обнаружил эти двери. Я шел к ним и надеялся, что солнце не зайдет раньше, чем я окажусь у выхода. Так взволнован я был только раз в жизни, однажды под Рождество. Я был еще ребен-

ком, но в том году уже достаточно взрослым, чтобы наконец понять, что, собственно, такое Рождество.

И вот я вошел в большую комнату и увидел там сверкающую снизу доверху елку.

Я распахнул двери. На горизонте солнце погружалось в океан. Оно было таким красным, ослепительным и раскаленным, что я даже удивился, почему не видно пара. Однажды я видел, как над океаном поднимался пар. Это случилось на строительстве шоссе вдоль побережья, несколько человек что-то делали там с порохом. Вдруг раздался взрыв, и людей охватило пламя. Они мчались к морю и прыгали в него. И тогда я увидел тот пар.

Солнце освещало редкие облачка на небе, окрашивая их в багровые тона. Вдали, на горизонте, там, где солнце садилось в море, океан был совершенно спокоен, а это так не похоже на океан. Он был изумителен, изумителен, изумителен, изумителен, изумителен...

На набережной кое-где сидели люди, ловили рыбу и совсем не замечали заходящего солнца. «Странные люди! Да этот закат гораздо важнее всей вашей рыбы!» – подумал я.

Двери вырвались у меня из рук и захлопнулись с таким грохотом, словно выстрелили из пушки.

– Ты что, оглох? – заорал мне в ухо чей-то голос.

Это был один из тренеров.

– Ты чего открываешь двери? Они должны быть заперты. Хочешь, чтобы тебя дисквалифицировали?

– Я только смотрел, как заходит солнце, – сказал я.

– Ты с ума сошел?! Тебе нужно поспать. Ты должен выспаться.

– Но я не хочу, – сказал я. – Я себя прекрасно чувствую. В жизни не чувствовал себя лучше.

– Все равно тебе необходимо отдохнуть, – настаивал он. – Осталось всего несколько минут. Ногам нужен отдых.

Он отвел меня к моей койке. Неожиданно я осознал, что в раздевалке не слишком здорово пахнет. Я вообще довольно чувствителен ко всяким там запахам и ароматам и потому очень удивился, как же я раньше не замечал этого: воздух здесь был застоявшимся, со всей очевидностью давал о себе знать тот факт, что в раздевалке одновременно находилось слишком много людей. Сбросив с ног туфли, я рухнул навзничь.

– Помассировать тебе ноги? – спросил тренер.

– Со мной все в порядке, – улыбнулся я, – с ногами тоже.

Он проворчал что-то себе под нос и отошел. А я лежал и думал о заходящем солнце. Какого оно было цвета? Не красного, нет, совсем другого оттенка.

Раз или два я уже почти вспомнил; так иногда вспоминаешь имя, которое когда-то знал, но забыл – в голову приходит, какой оно было длины, и какие в нем были буквы, и как оно звучало, но не само имя.

Лежа на кровати, я чувствовал, как волны вздымаются подо мной и разбиваются о сваи. Вздымаются – и обрушиваются.

ся вниз, вздымаются – и обрушиваются... Океан отступает и наступает, отступает и наступает снова...

Я был рад, когда заревела сирена, заставившая нас подняться и уйти обратно на площадку.

**Определяет вам высшую
меру наказания,
предусмотренную законом...**

7

Все уже было готово, вокруг площадки провели жирную белую линию, образовавшую большой овал. Это была трасса для дерби.

– Фредди смотал удочки, – сообщил я Глории, когда мы шли к столу с бутербродами и кофе. (Это называлось легкой закуской. Основную еду нам подавали в десять вечера.)

– Та девица, Мэнски, тоже смылась, – кивнула Глория. – Пришли тут двое из социального обеспечения и увели ее. Ручаюсь, мамаша как следует разукрасит ей пышную задницу.

– Нехорошо так говорить, – сказал я, – но уход Фредди стал самым прекрасным моментом моей жизни.

– Что он тебе такого сделал?

– Да нет, я не в том смысле. Если бы он не ушел, я никогда не увидел бы заход солнца.

– Господи, – вздохнула Глория, с кислым видом взирая на бутерброд, – неужели на свете нет ничего, кроме ветчины?

– Тебе можем предложить бутерброд со змеиным ядом, – буркнул Мак Астон, стоявший в очереди за мной. Это он так

шутил.

– Есть один с ростбифом, – сказала буфетчица. – Предпочитаете ростбиф?

Глория взяла бутерброд с ростбифом, но и с ветчиной оставила тоже.

– Мне до краев, – попросила она Ролло, который наливал кофе, – и побольше сливок.

– Она жрет, как в прорву кладет, – сказал Мак Астон.

– Мне черный, – обратился я к Ролло.

Глория отнесла еду к помосту распорядителя, где музыканты в это время настраивали инструменты. Увидев ее, Рокки Граво спрыгнул на площадку и заговорил с ней. Мне там места не было, и я не стал к ним подходить.

– Привет, – сказала мне какая-то девушка, на свитере которой я заметил цифру семь. У нее были черные волосы, черные глаза, и вообще она была хорошенькая. Имени девушки я не знал.

– Привет, – ответил я и огляделся, чтобы увидеть партнера своей собеседницы.

Тот в это время разговаривал с двумя женщинами, сидевшими в ложе в первом ряду.

– Ну, как у вас дела? – спросила «семерка». По ее речи можно было догадаться, что она девушка интеллигентная.

«Что она тут, черт возьми, забыла?» – снова и снова задавал я себе вопрос.

– Пока все идет хорошо. Только мне бы хотелось, чтобы

марафон уже кончился. И чтобы я выиграл.

– И что бы вы сделали с деньгами, если бы выиграли? – спросила она и рассмеялась.

– Снял бы фильм, – сказал я.

– За тысячу долларов большого фильма не снимешь, вам не кажется? – произнесла она и откусила бутерброд.

– А я о большом фильме и не думаю, – объяснил я. – Это будет совсем короткий фильм, из двух-трех частей.

– Вы меня заинтересовали, – призналась она. – Я за вами наблюдаю уже четырнадцать дней.

– Серьезно? – удивился я.

– Да, каждый день я вижу, как вы стоите вон там, на солнце, а на вашем лице одно за другим меняются тысячи разных выражений. Мне казалось, что вы слишком растеряны.

– Ну, тут вы ошибаетесь, – возразил я. – С чего мне быть растерянным?

– Я слышала, вы рассказывали своей партнерше, как сегодня смотрели на заход солнца, – ответила она и рассмеялась снова.

– Это еще ничего не доказывает... – начал я.

– Послушайте... – произнесла она и быстро оглянулась. Нахмурившись, взглянула на часы. – У нас еще четыре минуты. Хотите сделать для меня кое-что?

– Ну... почему бы нет? – ответил я.

Она поманила меня, и я следом за ней зашел за помост, около метра высотой, обтянутый тяжелой, плотной тканью,

которая ниспадала до самого паркета. Мы стояли одни в небольшой нише за помостом. Если бы не шум в зале, подтверждающий обратное, мы вполне могли бы сойти за единственных людей на земле. Оба мы были возбуждены.

– Пошли, – сказала она. Опустилась на паркет, приподняла драпировку и залезла под помост.

Сердце у меня забилося сильнее, и я почувствовал, как кровь приливает к лицу. И снова я ощутил, как подо мной вздымается и бьется о сваи океан.

– Идем же, – произнесла она, схватив меня за локоть.

Наконец-то я понял, в чем дело. В жизни не случается ничего нового. С человеком может произойти нечто, о чем он думает, будто раньше с ним подобного не бывало, нечто, казалось бы, совершенно новое, но это ошибка. Достаточно увидеть, услышать или почувствовать это новое, и сразу же становится ясно, что все это однажды уже случилось с ним. Когда «семерка» схватила меня за локоть, пытаюсь затащить под помост, я вспомнил, как однажды другая девушка хотела того же. Было мне тогда лет тринадцать или четырнадцать, девушке примерно столько же. Звали ее Мэйбл, и жила она в соседнем доме. После школы мы вместе играли под большой верандой у них во дворе, представляя себе, что подполье веранды – убежище, а мы – грабитель и заложница. Позднее мы играли в папу и маму и представляли себе, что это наш дом. Но в тот день, о котором идет речь, я стоял у веранды и вообще не думал ни о Мэйбл, ни о чем таком и вдруг по-

чувствовал, как кто-то тянет меня за локоть. Я глянул вниз и увидел Мэйбл.

– Пошли, – сказала она.

Под сценой было темно хоть глаз коли, и когда я стоял на четвереньках, пытаюсь хоть немного сориентироваться, «семерка» обхватила меня за шею.

– Ну скорее, скорее... – прошептала она.

– Что тут происходит? – раздался мужской голос. Он был так близко, что я ощутил на волосах его дыхание. – Кто там?

Теперь я узнал этот голос. Это был Рокки Граво. У меня заныло под ложечкой. «Семерка» отпустила меня и выскочила наружу. Молча, боясь, что Рокки узнает меня по голосу, я тоже быстро проскользнул под драпировкой. «Семерка» уже удалялась, оглянувшись на меня через плечо. Лицо ее было белым как мел. Ни она, ни я не сказали друг другу ни слова.

Мы выбрались на площадку и старались выглядеть как можно невиннее. Буфетчица собирала в корзину пустые стаканчики из-под кофе. И тут я заметил, что руки и весь костюм у меня в пыли. До начала следующего тура оставалось еще несколько секунд, и я помчался в раздевалку привести себя хоть немного в порядок. После этого мне стало значительно лучше.

«Парень, ты висел на волоске, – сказал я себе. – Больше ничего подобного!»

Вернулся я на площадку, когда раздалась сирена и заиграл оркестр. Впрочем, не слишком хорошо, хотя и лучше, чем

радио, по крайней мере без помех, комментариев и уговоров купить то или это. За время участия в марафоне я наелся радио на всю оставшуюся жизнь.

Сейчас в доме через улицу тоже включено радио. Стоя в зале суда, я совершенно отчетливо слышу: «Вам нужны деньги?.. У вас проблемы?..»

– Где ты был? – спросила Глория, обнимая меня.

– Не важно, – отмахнулся я. – Что, если мы немного потанцуем?

– Не возражаю, – ответила она. Мы протанцевали по периметру площадки, когда она остановилась. – Это уже больше напоминает работу.

Подняв руку, которой я держал ее за плечо, я заметил, что пальцы у меня в пыли.

«Ну что за черт? – подумал я. – Ведь я только что мыл руки».

– Повернись, – сказал я Глории.

– В чем дело? – спросила она.

– Повернись, – повторил я.

Она не решалась, кусала губы, и тогда я зашел ей за спину. На Глории была белая шерстяная юбка и тонкий белый свитерок, тоже шерстяной. Во всю спину красовалось большое пятно пыли, и я знал, откуда эта пыль.

– В чем дело? – снова спросила она.

– Стой и не вертись. – Я стал очищать ее свитер и юбку, пока не стряхнул с них всю пыль.

Глория какое-то время молчала. Потом сказала:

– Это я вляпалась где-то в раздевалке, когда возилась с Лилиан.

«Зря ты принимаешь меня за болвана», – подумал я. А вслух произнес:

– Скорее всего.

Расхаживая взад-вперед по площадке, мы налетели на Ролло Петерса.

– Что это за девица? – поинтересовался я, показав на «семерку».

– Это партнерша Ги Дюка. Зовут ее Розмари Лофтус. А ты что, глаз на нее положил? – задала мне, в свою очередь, вопрос Глория.

– Я только спросил, кто она такая. Она мне совершенно безразлична.

– Твое счастье, – не унималась Глория. – Ну скажи ему, Ролло.

– Нет, это без меня. – Ролло покачал головой. – Я о ней ничего не знаю.

– А что с ней такое? – спросил я Глорию, когда Ролло отошел к Джеймсу и Руби Бэйтс.

– Ты что, маленький? – удивилась она. – Вчера на свет появился? – Она рассмеялась и покачала головой. – Ну ты даешь!

– Ладно-ладно, выбрось это из головы, – буркнул я.

– Ну так вот, чтобы ты знал, эта стерва – самая отчаянная

шлюха к западу от Миссисипи, – пояснила она. – Шлюха с высшим образованием, всем шлюхам шлюха. Даже девки не решаются идти в сортир, когда она рядом...

– Эй! Здравствуй, Глория! – воскликнула миссис Лейден. Сидела она на своем обычном месте в первом ряду, в ложе, на противоположном от помоста распорядителя конце зала. Мы с Глорией приблизились к барьеру. – Как дела у пары, за которую я болею?

– Отлично, – ответил я. – А как у вас, миссис Лейден?

– Тоже прекрасно. Нынче вечером я хочу остаться здесь надолго. Видите? – Она указала на плед и корзинку с едой, стоявшую на соседнем стуле. – Буду сидеть здесь и подбадривать вас.

– Нам это пригодится, – кивнула Глория.

– Почему вы не займете ложу чуть подальше от «Пальмовой рощи»? – спросил я. – Попозже, когда все захотят выпить, в баре будет ужасно шумно.

– Это мне не мешает, – улыбнулась она. – Я сижу тут в основном ради дерби. Хочу видеть, как вы будете проходить повороты. Не хотите взглянуть? – Она достала из-под пледа вечернюю газету.

– Спасибо, – сказал я, – хотелось бы знать, что происходит на свете. Хотя бы какая там погода? Надеюсь, мир не слишком переменялся?

– Вы надо мной смеетесь.

– Ну что вы... Просто мне кажется, что я в этом зале уже

миллион лет... Спасибо за газету, миссис Лейден.

Когда мы двинулись дальше, я развернул газету. Глаза рванули огромные черные буквы:

**«УБИЙЦА НА ТАНЦЕВАЛЬНОМ МАРАФОНЕ
ПРЕСТУПНИК УЧАСТВУЕТ В СОСТЯЗАНИИ**

Вчера на танцевальном марафоне, проходящем в Санта-Монике, полиция арестовала давно разыскиваемого убийцу. Речь идет о двадцатилетнем итальянце Джузеппе Лоди, который восемь месяцев назад бежал из иллинойской тюрьмы, город Джоли, отбыв лишь четыре из пятидесяти лет заключения, на которые он был осужден за ограбление аптеки в Чикаго и убийство ее престарелого владельца.

Лоди, принимавший участие в танцевальном марафоне под фальшивым именем Марио Петрони, не оказал сопротивления сотрудникам криминального отдела Блисссу и Фойгту, производившим арест. Как сообщили нам оба сотрудника полиции, на танцевальный марафон они попали совершенно случайно, пытаясь отвлечься от служебных обязанностей, а Лоди опознали по фотографии, помещенной в популярном полицейском журнале в рубрике “Розыск”. В этой рубрике регулярно печатают снимки и подробные описания наиболее опасных, разыскиваемых полицией преступников».

– Представляешь? – сказал я. – Я как раз был рядом, когда все произошло. Мне жалко Марио.

– Почему? – спросила Глория. – Какая между нами разница?

Педро Ортега, Мак Астон и еще кто-то сбились возле нее в кучу и возбужденно обсуждали заметку. Я оставил газету Глории и в одиночестве скользил по паркету.

«Жуткое дело, – мелькнуло у меня в голове. – Пятьдесят лет! Бедняга Марио!..»

Но если Марио узнает обо мне, если только он узнает, то наверняка подумает: «Бедный парень! Он так жалел меня, а сам угодил в петлю...»

В следующем перерыве Сокс Дональд приготовил для нас сюрприз. Нам раздали спортивную форму, чтобы мы ее надели перед дерби, до начала соревнований: тенниски, белые шорты и белые свитера. Все мужчины получили ремни из толстой кожи, на которых с обеих сторон были небольшие ручки, как на чемодане. Нашим партнершам предстояло держаться за них во время прохождения поворотов на дерби. Тогда это изобретение показалось мне никчемным и глупым, но позднее я понял: Сокс Дональд знал, что делает.

– Послушайте, ребята, – сказал Сокс. – Сегодня вечером игра начнется всерьез, к нам на дерби заявится уйма кинозвезд, а куда идут они, туда за ними валят толпы. Какая-то пара сегодня проиграет – каждый вечер кто-то будет проигрывать. Я не хочу слышать никаких упреков, потому что таковы правила. Шансы у всех равны. Вы получите дополнительное время, чтобы надеть спортивную форму, и затем –

чтобы ее снять. Да, кстати! Днем я говорил с Марио Петрони. Он попросил меня проститься за него со всеми своими друзьями, что здесь у него были. А теперь, ребята, самое главное: не забудьте – во время дерби публики за свои деньги хочет увидеть настоящую гонку!

Меня удивило, что Сокс вспомнил о Марио, потому что накануне вечером, когда Марио арестовали, он его чуть не убил.

– Я думал, он на Марио зол, – сказал я Ролло.

– Теперь уже нет, – ответил тот. – Арест оказался самой лучшей рекламой, какую только можно придумать. Не будь его, никто бы и не знал, что марафон вообще существует. Публикация в газетах – именно то, что было нужно. Сегодня телефон не умолкал: все рвались заказать билеты.

Роберт Сайвертин...

8

В тот вечер впервые зал был полон и практически все билеты проданы. В «Пальмовой роще» было не протолкнуться, и из бара доносились громкий смех и гул разговоров.

«Ролло прав, – сказал я себе. – Арест Марио – как раз та реклама, которая была нужна Соксу». Однако зрителей привлекала не только шумиха в газетах. Потом я узнал, что Сокс рекламировал марафон по нескольким радиостанциям.

Мы разгуливали в спортивной форме, пока тренеры и персонал готовили площадку для дерби. Большинство участников в спортивной форме выглядели довольно потешно. В жизни не видел такой курьезной коллекции рук и ног.

– Взгляни, – Глория мотнула головой в сторону Джеймса и Руби Бэйтс, – во брюхо, а?

Круглый живот Руби сильно выдавался вперед. Казалось, что под свитер она затолкала подушку.

– Да, очень заметно, – согласился я, – только не забудь, что тебя это не касается.

– Дамы и господа, – сказал Рокки в микрофон, – прежде чем начнется наше сенсационное дерби, я хотел бы познакомить вас с правилами и порядком состязаний. Ввиду большого количества участников дерби будет проходить в двух группах – сорок пар побегут в первой и столько же во вто-

рой. Вторая группа выйдет на дорожку через несколько минут после первой. Распределение пар по группам будет произведено жеребьевкой. В этих группах дерби будет проходить неделю. В каждой группе вечер за вечером одна пара – та, что пробежит меньшее количество кругов, – будет отсеиваться. Через неделю останется только одна группа. Наши ребята будут состязаться на дорожке по пятнадцать минут, мужчины должны двигаться, ступая с пятки на носок, девушки могут идти или бежать, как им будет угодно. Призов для победителей не предусмотрено, но если кто-то из вас, дамы и господа, чтобы поощрить наших участников, захочет установить денежную премию паре-победительнице, вы заслужите их благодарность. Посредине площадки вы видите раскладушки, медсестер и тренеров, у которых под руками очищенные апельсины, мокрые полотенца и нюхательные соли, – а также наготове наш доктор, который позаботится, чтобы никто из наших ребят не участвовал в состязании, если не будет в хорошей физической форме.

Молодой врач стоял посреди площадки со стетоскопом вокруг шеи и старался держаться как можно солиднее.

– Еще минутку, дамы и господа, еще минутку, – продолжал Рокки. – У меня в руке десятидолларовая банкнота для победителей сегодняшнего дерби, которую пожертвовала очаровательная звезда киноэкрана мисс Руби Килер. Аплодисменты мисс Килер, дамы и господа.

Руби Килер встала и поклоном поблагодарила за аплодис-

менты.

– Вот это мне нравится, дамы и господа, – прокомментировал Рокки. – Итак, для контроля, сколько какая пара пробежит кругов, нам требуется сорок судей. – Он перевел дух и отер пот с лица. – Ну же, дамы и господа, ну же... хотелось бы, чтобы судьи были из числа зрителей. Желающих прошу прямо сюда... не бойтесь, прошу.

В первый момент показалось, что публика просто застыла, но тут миссис Лейден нырнула под барьер и зашагала через площадку. Проходя мимо меня и Глории, она улыбнулась и подмигнула.

– Может, она нам все-таки хоть как-то стодится, – вздохнула Глория.

За миссис Лейден последовали другие, и через несколько минут все судьи были в наличии. Ролло дал каждому карточку и рассадил их на площадке возле помоста.

– Ну-с, дамы и господа, – сказал Рокки, – судей у нас достаточно. Теперь приступим к жеребьевке первого дерби. Здесь в шляпе находится восемьдесят бумажек с номерами пар, нужно вытащить сорок из них. Пары, чьи номера названы не будут, стартуют во втором забеге. Нам нужен кто-нибудь, чтобы доставать номерки. Что, если это сделаете вы? – спросил он миссис Лейден и подал ей шляпу. Миссис Лейден улыбнулась и кивнула.

– Это величайший момент в ее жизни, – съязвила Глория.

– Я думаю, она довольно милая старушка, – возразил я.

– Корова, – отрезала Глория.

Миссис Лейден принялась доставать из шляпы бумажки и передавать их Рокки, который называл в микрофон вытянутые номера.

– Первый номер – сто пять, – сообщил он. – Идите сюда, ребята, все отобранные пары переходят сюда, на эту сторону.

Рокки называл номера так быстро, как только миссис Лейден успевала их извлекать, и каждый раз подавал бумажку, полученную от миссис Лейден, одному из судей. Тот потом должен будет наблюдать за парой с этим номером и считать, сколько она сделала кругов.

– Пара номер двадцать два, – объявил Рокки и подал номерок молодому человеку в очках.

– Пошли, – сказал я Глории. Это был наш номер.

Я услышал, как миссис Лейден говорит Рокки:

– Я бы хотела получить этот номер. Это пара, за которую я болею.

– Мне очень жаль, – ответил Рокки. – Вам придется взять тот номер, который на вас выпадет.

Когда жеребьевка закончилась и мы все собрались на линии старта, Рокки объявил:

– Ну-с, дамы и господа, мы уже почти готовы. А теперь, ребята... мужчины, помните, вы должны ступать с пятки на носок. Если кто-то из вас сойдет с дистанции, вашему партнеру придется бежать два круга, которые будут засчитаны ему за один. Вы дадите нам старт, мисс Килер?

Мисс Килер кивнула, и Рокки подал Ролло стартовый пистолет. Тот отнес его мисс Килер, сидевшей в ложе, в первом ряду, с какой-то девушкой, которую я не знал. Джексона там не было.

– Ну-с, дамы и господа, а теперь – полный вперед! – сказал Рокки. – Прошу, мисс Килер... – Он дал знак рукой.

Мы с Глорией протолкались вдоль помоста к линии старта и, когда мисс Килер нажала курок, ринулись вперед, врезаясь в остальных и отталкивая их, чтобы вырваться в лидеры. Глория держала меня за руку.

– Держись за пояс! – заорал я и попытался прорваться сквозь толпу. Все спотыкались друг о друга, каждый хотел пробиться вперед... Но постепенно мы растянулись по трассе. Я зашагал так широко, что Глории пришлось догонять меня вприпрыжку.

– Эй ты, с пятки на носок! – крикнул Ролло. – Ты перешел на бег!

– Делаю что могу, – ответил я.

– С пятки на носок! – кричал он. – Вот так...

Обогнав нас, Ролло продемонстрировал, как он это себе представляет. Я наловчился довольно быстро. Главное – правильно работать бедрами и плечами. Стоило мне только понять это, и я легко справился с требованием. Это было так просто, что на миг мне пришло в голову, будто таким спортивным шагом я уже когда-то ходил, но не мог припомнить когда, а значит, вряд ли нечто подобное было. Все-таки па-

мать у меня уникальная.

Мы мчались по дорожке уже пять минут, держались среди лидеров, когда я неожиданно почувствовал, что Глория перестала двигаться, точнее говоря, перестала двигать ногами. Я ее тащил на себе. Меня не покидало ощущение, что она вот-вот перережет мне желудок поясом.

– Слишком быстро? – спросил я и сбавил ход.

– Д-да, – едва выдавила она.

Одна из медсестер набросила мне на шею мокрое полотенце. При этом я от неожиданности едва не потерял равновесие.

– Вытри лицо, – посоветовал я Глории.

И в этот момент мимо нас пронеслась пара номер тридцать пять, собираясь первой войти в поворот. Но такой спурт оказался партнерше не по силам. Споткнувшись, она отпустила ручки на поясе партнера.

– Помощь паре номер тридцать пять! – взревел Рокки Граво, но, прежде чем медсестра или тренер успели подхватить девушку, она рухнула плашмя и еще несколько метров проехала по паркету. Будь я один, я сумел бы обогнуть лежащее тело, но на мне висела Глория, и я боялся, что на крутом повороте она может вылететь с трассы. (Проходить поворот с уцепившейся за вас девицей – это похуже перетягивания каната.)

– Осторожно! – вскричал я, но предупреждение запоздало и ничего не дало. Глория споткнулась о лежащее тело, сва-

лив и меня. Я заметил, что еще четыре или пять пар не успели остановиться. Я изо всех сил пытался подняться на ноги. Рокки что-то сказал в микрофон, и публика громко вздохнула.

Я встал. Травм вроде не было, но колени горели, и я догадался, что содрал на них кожу. К нам подбежали медсестры и тренеры, начали поднимать девушек на ноги, а Глорию и Руби на носилках отнесли в бокс.

– Ничего страшного, дамы и господа, – заявил Рокки. – Небольшое столкновение... на нашем дерби постоянно что-то происходит... пока девушки находятся в боксе, их партнерам два круга будут засчитываться за один. Отлично, ребята, пропустите наших бегунов-одиночек на внутреннюю дорожку.

Я изо всех сил рванул вперед, чтобы не утратить позицию, которой мы добились в забеге. Теперь, когда Глория не висела у меня на поясе, я казался себе легким как перышко. Тренер с медсестрой уже подошли к Глории. Медсестра поднесла ей к носу нюхательную соль, тренер массировал ноги. Врач прослушивал через стетоскоп, как работает ее сердце. Другой тренер, тоже с медсестрой, тем временем приводил в чувство Руби. Прежде чем Глория вернулась на площадку, я пробежал четыре круга. Она была ужасно бледна.

– Выдержишь? – спросил я, притормаживая. Она только кивнула.

Публика хлопала и топала, Рокки что-то орал в микро-

фон. Чуть позже Руби тоже вернулась на дорожку, но выглядела чуть живой.

– Спокойнее, – твердил Ролло, вприпрыжку сопровождавший нас. – Вам ничто не угрожает...

И тут я почувствовал острую боль в левой ноге, которая снизу вверх пронзила все тело и едва не расколола мне темя.

– Господи, – вскрикнул я, – что случилось с ногой!

– Топни, топни! – кричал Ролло.

Я не мог согнуть ногу. Она меня просто не слушалась. Отяжелела как бревно. Стоило мне сделать шаг, боль снова ударила в темя.

– У участника пары номер двадцать два судорогой свело ногу, – сказал Рокки в микрофон. – Тренеры, помощь паре...

– Топни, топни ногой! – орал на меня Ролло.

Я топнул изо всех сил, но нога заболела еще сильнее.

– Топни, топни ногой...

– Ах ты засранец! – сорвался я. – Мне же больно...

Тренеры подхватили меня под мышки и утащили в бокс.

– Забег продолжает наша прелестная партнерша из пары номер двадцать два, – объявил Рокки, – наша маленькая Глория Битти. Замечательная девушка! Бежит одна, пока ее партнеру оказывают помощь, ведь ему судорогой свело ногу. Вы только взгляните, как она летит по дорожке! Пропустите ее на внутреннюю дорожку, ребята...

Один тренер держал меня за плечи, а другой сгибал и разгибал ногу и постукивал по мышцам ребром ладони.

– Больно! – не выдержал я.

– Тихо, тихо, – приговаривал тренер, который держал меня за плечи. – У тебя что, никогда такого не было?

Вдруг в ноге что-то щелкнуло, и боль тут же исчезла.

– Ну вот, – сказал тренер.

Я встал, чувствуя себя вполне нормально. Вернулся на дорожку, приготовился и стал ждать Глорию. Она двигалась по противоположной стороне, спотыкаясь на каждом шагу, голова у нее при этом болталась вверх и вниз. Мне пришлось ждать, пока она добежит до меня. По правилам вернуться из боксов нужно было на том же месте, где сошел. Как только Глория приблизилась ко мне, я тут же рванул вперед, а Глория вновь ухватилась за мой пояс.

– Две минуты до конца, – сообщил Рокки. – Давайте подбодрим их, дамы и господа.

Зрители зааплодировали и затопали ногами, на этот раз гораздо громче.

Остальные пары вокруг нас начали спурт, и я тоже решил поднажать. Я точно знал, что мы с Глорией не последние, но мы оба побывали в боксе, и мне не хотелось рисковать и вылететь по ошибке. Выстрел пистолета возвестил о конце дерби, половина пар рухнула на пол. Я обернулся к Глории и увидел, что глаза ее остекленели. Мне было ясно, что она вот-вот потеряет сознание.

– Эй! – крикнул я медсестре, но Глория уже закачалась, и пришлось мне ловить ее самому. А затем тащить в бокс,

больше я ни на что способен не был.

– Эй, – окликнул я тренера, – пусть придет доктор!

На меня никто не обратил внимания. У всех и так хватало работы, надо было помочь тем, кто не мог встать самостоятельно. Публика влезала на стулья и визжала от возбуждения.

Я начал тереть лицо Глории мокрым полотенцем. Потом возле меня появилась миссис Лейден, она принесла флакон с нюхательной солью.

– Отправляйтесь в раздевалку, – сказала она. – Глория скоро придет в себя. Не привыкла она к таким перегрузкам.

Я был на корабле, плывущем в Порт-Саид. Мы собирались снимать фильм в Сахаре. Я был знаменит и купался в роскоши. Как же, самый знаменитый кинорежиссер на свете. Более знаменитый, чем Сергей Эйзенштейн. Критики из журналов «Вэнити фэйр» и «Эсквайр» в один голос утверждали, что я гений. Расхаживая по палубе, я вспоминал о танцевальном марафоне, в котором когда-то участвовал, и размышлял, что же случилось со всеми теми парнями и девушками с марафона... как вдруг кто-то нанес мне сзади страшный удар по голове, и я потерял сознание. Успел только понять, что падаю.

Ударившись о воду, я начал бешено колотить руками и ногами вокруг, потому что боялся акул. Ощувив чье-то прикосновение, я заорал от ужаса.

Очнувшись, я обнаружил себя в воде, ледяной воде. И тут же сообразил, где я. «Это был просто страшный сон», – сказал я себе. То, что меня так напугало во сне, оказалось полуметровым куском льда: я был в баке с водой в раздевалке. Дрожа от холода, в мокрой спортивной форме, я вылез из воды, и тренер подал мне полотенце.

В раздевалку вошли другие тренеры, неся еще одного потерявшего сознание участника дерби. Это был Педро Ортега. Его подтащили к баку и бросили в воду.

– Со мной тоже так было? – спросил я.

– А как же, – хмыкнул тренер. – Ты хлопнулся в обморок, едва ушел с площадки.

Педро что-то бормотал по-испански и расплескивал воду, любой ценой стараясь выбраться наружу. Тренер расхохотался:

– Ну, ребята, Сокс знал, что делает, когда велел притащить этот бак. Ледяная вода кого хочешь приведет в чувство. Снимай эти мокрые тряпки...

Шериф округа лос-анджелес передаст вас в руки палача в тюрьме штата...

9

Протанцовано часов: 752

Осталось пар: 26

Так называемые дерби нас просто убивали. За две недели вылетело больше пятидесяти пар. Мы с Глорией дважды тоже оказывались на грани, но все-таки как-то ухитрились выкрутиться. Когда же мы сменили тактику, проблемы как рукой сняло: мы прекратили пытаться победить, и нам стало безразлично, какое мы займем место, лишь бы не последнее.

У нас появился свой спонсор – «Пиво „Джонатан”», от которого не толстеют». Как нельзя более кстати: туфли и одежда у нас уже почти совсем рассыпались. Это миссис Лейден уговорила «Пиво „Джонатан”» взять над нами шефство.

– Миссис Лейден, может быть, вы еще попросите святого Петра пустить меня в рай. Похоже, я уже на пути к нему...

Глории и мне дали по три пары туфель, серых фланелевых брюк и по три свитера, все с рекламой пива.

С момента начала состязаний я прибавил в весе больше двух кило и уже начал подумывать о том, что, возможно, у

нас и в самом деле есть шансы выиграть первый приз – тысячу долларов. Глория же оставалась пессимисткой.

– Что ты собираешься делать, когда эта волынка закончится? – спросила она меня как-то.

– А к чему про это думать?! – удивился я. – Она же еще не кончилась. Да и потом, чем ты недовольна? По-моему, мы очень неплохо устроились, по крайней мере не приходится ломать голову, где взять еды.

– Как я хотела бы, чтобы все это поскорее закончилось, – монотонно пробубнила она. – Хотела бы, чтоб меня Бог прибрал.

Она повторяла это снова и снова. Мне это уже начинало действовать на нервы.

– Когда-нибудь Господь услышит твои молитвы.

– Я бы хотела этого... Если бы у меня хватило духу сделать это за него...

– Если мы вдруг выиграем, заберешь свои пятьсот долларов и поедешь куда захочешь, – сказал я. – Можешь выйти замуж. Всегда найдется уйма парней, которым не терпится жениться. Об этом ты никогда не думала?

– Думала, и не раз, – ответила она. – Но такого, как мне нужен, взять негде, а таких, какие есть, мне не надо. Не нужно мне бродяг, воров и прочей сволочи.

– Знаю я, почему у тебя такое убийственное настроение. Ничего. Через пару дней будешь в порядке и увидишь все совсем в другом свете.

– Ну уж это тут совсем ни при чем, – возразила она. – У меня в такие дни даже голова не болит. Не в том дело. Просто весь этот гадючник как водоворот. Вылетим отсюда – и окажемся у очередного разбитого корыта.

– Зато сейчас у нас есть стол и ночлег.

– А почему ты считаешь счастьем, если откладывается то, что все равно должно случиться?

– Эй, «Пиво „Джонатан”»! – заорал Рокки Граво. – Подите сюда.

Он стоял у помоста с Соксом Дональдом. Мы с Глорией подошли.

– Хотите заработать сто долларов, ребята? – спросил Рокки.

– А как? – поинтересовалась Глория.

– Вот в чем дело, ребята, – сказал Сокс Дональд, – у меня есть беспроигрышная идея, но нужна небольшая помощь...

– Знаем мы эти штучки, – шепнула Глория.

– Что-что? – переспросил Дональд.

– Ничего, – отрезала Глория. – Продолжайте, пожалуйста. Вам нужна небольшая помощь...

– Вот именно, – кивнул Дональд. – Я хочу, чтобы вы поженились, ребята. Хочу устроить шикарную свадьбу.

– Свадьбу? – переспросил я.

– Минутку, дайте мне договорить, – продолжал Сокс. – В этом нет ничего дурного. Я дам вам каждому по пятьдесят долларов, а марафон кончится – можете развестись, если хо-

тите. Это же не навечно. Мне просто нужен аттракцион для публики. Что скажете?

– Вы что, с ума сошли?! – заявила Глория.

– Она так не думает, мистер Дональд, – вмешался я.

– Черта с два не думаю, – настаивала она. – Я не имею ничего против замужества. – Это она Соксу. – Почему бы вам не выбрать для меня Гари Купера или какого-нибудь известного продюсера или режиссера? Но выйти за этого типа – нет, увольте. Мне хватает забот о самой себе.

– Но это же не навсегда, – повторил Рокки. – Мы просто устроим такой спектакль.

– Ну разумеется, – подтвердил Сокс. – Церемония, естественно, должна проходить здесь, на площадке, чтобы привлечь сюда толпы народу. Но...

– Незачем устраивать свадьбу, чтобы заманить сюда толпу, – не унималась Глория. – Тут уже и так столько народу, что стены трещат. Мало вам зрелища тех бедняг, что каждый вечер корчатся на паркете?

– Ты не понимаешь, чего мы хотим, – обиделся Сокс.

– Фиг вам, не понимаю, понимаю получше вас.

– Ты же хочешь попасть в кино? Вот тебе шанс, – настаивал Сокс. – Я уже подыскал несколько фирм, они дадут тебе свадебное платье и туфли, косметический салон займется твоей головой и сделает из тебя просто конфетку; тут будет уйма режиссеров и всяких шишек, и все будут пялиться только на тебя. Такой шанс бывает раз в жизни. А что ты

скажешь, жених? – обратился он ко мне.

– Не знаю... – пробормотал я. Мне вовсе не хотелось его сердить. В конце концов, организатором всего был он. Я прекрасно знал: стоит ему только занять на нас зуб, и дисквалификация нам гарантирована.

– Он против, – поспешила встрять Глория.

– Ха, она и за него думает, – съязвил Рокки.

– Ну, как хотите. – Сокс пожал плечами. – Если сто долларов не интересуют вас, какую-нибудь другую пару они интересуют наверняка. Ты теперь хоть знаешь, – это он мне, – кто у вас глава семьи. – И они с Рокки расхохотались.

– Ты что, вообще не способна вести себя хотя бы вежливо? – спросил я Глорию, когда мы отошли. – Теперь нас могут вышвырнуть в любой момент.

– Сегодня, завтра – какая разница?

– Такой зануды я в жизни не видел, – не выдержал я. – Иногда мне кажется, что лучше бы тебе и в самом деле отдать концы.

– А я что говорю?

Когда мы снова двигались вдоль помоста, я увидел, как Сокс с Рокки дружно уламывают Ви Лоуэлла и Мери Хоули, пару номер семьдесят один.

– По-моему, Сокс уже заморочил ей голову, – хмыкнула Глория. – Теперь эта клуша Хоули от него не отвертится.

К нам присоединились Джеймс и Руби Бэйтс, и мы вчетвером двигались вместе. Мы снова стали друзьями – с тех

пор как Глория перестала внушать Руби, что та должна сделать аборт.

– Вам Сокс предлагал пожениться? – спросила Руби.

– Ну, – сказал я, – а ты откуда знаешь?

– Кое-кому он уже предлагал.

– Мы послали его куда подальше, – сообщила Глория.

– Ну, свадьбы на публику – вещь неплохая, – заметила Руби. – У нас тоже была такая.

– Серьезно?! – удивился я. Джеймс и Руби держались так достойно и спокойно и были так влюблены друг в друга, что я представить себе не мог, что у них могла быть свадьба подобного рода.

– Мы поженились на танцевальном марафоне в Оклахоме, – продолжала она. – Набрали разных подарков долларов на триста...

– Ее папаша преподнес нам в качестве свадебного подарка дробовик, – рассмеялся Джеймс.

Неожиданно где-то сзади завизжала женщина. Мы обернулись. Кричала Лилиан Бэкон, партнерша Педро Ортеги. Сначала она пятилась от него, потом попыталась бежать, но Педро ее догнал и начал лупить кулаком по лицу. Упав на паркет, Лилиан вновь завизжала. Педро схватил девушку за шею обеими руками и попытался ее поднять. Лицо у него было безумным. Стало совершенно ясно, что он хочет убить Лилиан.

Все сразу кинулись к нему, началась ужасная суматоха.

Мы с Джеймсом очутились рядом с Педро первыми, разжали его руки, все сильнее сдавливающие горло Лилиан, и оттащили парня в сторону. Лилиан сидела на полу, бессильно откинувшись на руки, с открытым ртом, как пациентка на приеме у дантиста.

Педро что-то бормотал про себя и, казалось, никого не узнавал. Джеймс толкнул его, и Педро отступил на несколько шагов. Я подхватил Лилиан под мышки и помог ей встать. Она тряслась, как исполнительница танца живота.

Примчались Сокс и Рокки и схватили Педро за руки.

– Это что еще такое? – взорвался Сокс.

Педро взглянул на Сокса, губы его шевельнулись, но не раздалось ни звука. Тут он увидел Рокки, и лицо его переменилось, теперь оно пылало яростью и ненавистью. Рывком он освободил руки, отшагнув назад, и сунул одну в карман.

– Берегись! – крикнул кто-то.

Педро метнулся вперед с ножом в руке. Рокки хотел увернуться, но все произошло так быстро, что шансов у него не было. Нож вонзился ему в левый бок, дюймах в пяти ниже плеча. Завопив, Рокки скрылся. Педро обернулся, чтобы кинуться за ним, но прежде чем успел сделать хоть шаг, Сокс стукнул его сзади по голове обшитой кожей дубинкой. Хруст был слышен даже сквозь рев музыки. Точно кто-то проткнул пальцем дыню. Педро застыл с идиотским оскалом на физиономии, а Сокс огрел его дубинкой еще раз.

Руки Педро бессильно повисли, нож упал. Ноги подломи-

лись, и он грохнулся на пол.

– Уберите его! – велел Сокс, поднимая нож.

Джеймс Бэйтс, Мак Астон и Ви Лоуэлл подняли Педро и отнесли в раздевалку.

– Прошу оставаться на своих местах, дамы и господа! – крикнул Сокс публике. – Убедительно прошу...

Я поддерживал Лилиан сзади. Ее все еще трясло.

– Что случилось? – спросил ее Сокс.

– Он решил, что я ему изменяю, – вздохнула она. – Потом избил меня и принялся душить...

– Продолжайте, ребята, – обратился к нам Сокс. – Держитесь так, будто ничего не произошло. Эй, сестра, отведите девушку в раздевалку. – Сокс помахал Ролло, стоявшему на помосте, и сирена известила о перерыве на несколько минут раньше, чем положено. Медсестра забрала у меня Лилиан, все девушки сгрудились вокруг них и стайкой удалились в раздевалку.

Уходя с площадки, я слышал, как Ролло выкрикивает в микрофон какие-то банальности.

Рокки стоял у умывальника без пиджака и рубашки и промокал плечо пачкой бумажных носовых платков. Кровь текла по руке и капала с пальцев.

– Лучше дождись врача, – сказал Сокс и взорвался: – Черт побери, где доктор?

– Здесь, – послышалось сзади, и доктор выскочил из туа-

лета.

– Когда вы наконец понадобились, вас не согнать с толчка! – орал Сокс. – Взгляните на Рокки, что с ним?

Педро лежал на полу. Мак Астон сидел прямо на нем и массировал ему грудь, как спасатель, откачивающий утопленника.

– Поберегись! – крикнул Ви Лоуэлл, принесший ведро воды. Мак отскочил, и Ви выплеснул воду Педро в лицо. Никакого результата – Педро лежал как бревно.

Джеймс Бэйтс принес еще ведро воды и снова облил его. Только теперь Педро шевельнулся и медленно открыл глаза.

– Приходит в себя, – произнес Ви Лоуэлл.

– Я лучше отвезу Рокки на машине в больницу, – сказал доктор, снимая белый халат. – Рана глубокая – почти до кости. Придется накладывать швы. Кто это сделал?

– Эта сволочь! – Сокс ткнул Педро ногой.

– Наверно, у него была бритва, – сказал доктор.

– Вот что у него было. – Сокс подал ему нож. В другой руке у Сокса была обшитая кожей дубинка, ремешок все еще надет на запястье.

– Это не хуже бритвы. – Доктор вернул ему нож.

Педро сел, растирая челюсть. Похож он был на пьяного.

«Да не в челюсть ты схлопотал, – мысленно сказал ему я, – а по голове».

– Ради Бога, поехали, – обратился Рокки к доктору. – Из меня хлещет кровь, как из недорезанного борова. А тебя, за-

сранец, – бросил он Педро, – я под суд отдам!

Педро яростно покосился на него, но промолчал.

– Никто ни на кого в суд подавать не будет, – заявил Сокс. – Мне и так придется попотеть, чтобы нас вообще не прикрыли. Впредь лучше соображай, кому наставляешь рога.

– Да никому я рога не наставлял, – возразил Рокки.

– Только мне не рассказывай, – отрезал Сокс. – Выведите его через черный ход, доктор.

– Пойдем-пойдем, Рокки, – сказал врач. Рокки зашагал к дверям, бинт на его руке уже пропитался кровью.

Доктор набросил на плечи Рокки пиджак, и они уехали.

– Ты что, хочешь загубить нам все дело? – спросил Сокс, теперь полностью переключившись на Педро. – Не можешь дождаться, пока закончится марафон, и разделаться с Рокки потом?

– Я хотел перерезать ему глотку, – спокойно заявил Педро на прекрасном английском. – Он увел у меня невесту...

– Если ему удалось сделать это здесь, значит, он волшебник, – хмыкнул Сокс. – Здесь же нет ни одного укромного уголка, чтобы кого-нибудь соблазнить.

«Ну, положим, один уголок я знаю», – мелькнуло у меня в голове.

В раздевалку вошел Ролло Петерс.

– Ребята, вам нужно поспать, – сказал он и спросил, озираясь: – Где Рокки?

– Доктор повез его в больницу, – сообщил ему Сокс. – Как там в зале?

– Уже успокоились. Я сказал им, что мы репетировали новый номер. Как дела у Рокки?

– Ничего страшного, – отмахнулся Сокс. – Разве что этот мексиканский каторжник едва не отрезал ему руку, только и всего. – И подал ему нож Педро: – Слушай, возьми эту гадость и забрось куда-нибудь. Ты будешь за конференсье, пока не узнаем, как у Рокки дела.

Педро поднялся с пола.

– Мне очень жаль, что все случилось на публике, – повинился он. – Честно, очень жаль, что у меня сдали нервы...

– Ну, могло быть и хуже, – ответил Сокс. – Что, если бы это случилось вечером, когда здесь полно людей? Как голова?

– Болит, – вздохнул Педро. – Мне очень жаль, что так получилось. Я так хотел выиграть тысячу долларов...

– И шансы у тебя пока еще есть, – кивнул Сокс.

– Так вы хотите сказать, что меня не дисквалифицируют? Что вы меня прощаете?

– Прощаю, – буркнул Сокс и сунул дубинку в карман.

Который подвергнет вас...

10

Протанцовано часов: 763

Осталось пар: 26

– Дамы и господа! – объявил Рокки. – Прежде чем начнется дерби, организаторы марафона попросили меня сообщить, что через неделю у нас состоится свадьба – настоящая, неподдельная свадьба, прямо здесь, на площадке. Браком будут сочетаться Ви Лоуэлл и Мери Хоули – пара номер семьдесят один. Покажитесь нам, Ви и Мери, пусть дамы и господа увидят, какая вы чудная пара. Разумеется, – продолжал Рокки, – если до того времени они не покинут состязания по результатам дерби. Надеюсь все же, что до этого не дойдет. Предстоящая свадьба совпадает с желанием организаторов марафона обеспечивать вам, нашим зрителям, исключительные развлечения на наивысшем уровне.

Миссис Лейден потянула меня сзади за свитер.

– Что у Рокки с рукой? – спросила она шепотом.

Не заметить, что с Рокки что-то случилось, было трудно. Его правая рука, как обычно, была продета в рукав пиджака, левая же висела на перевязи, и пиджак с той стороны только наброшен на плечо.

– Он ее вывихнул, – сказал я.

– Ему наложили девять швов, – тихонько уточнила Глория.

– Так вот почему его не было вчера вечером, – заметила миссис Лейден. – С ним произошел несчастный случай?

– Гм, да...

– Он упал?

– Гм, да, скорее...

– Позвольте представить вам очаровательную звезду киноэкрана мисс Мери Брайан. Вы рады нашим зрителям, мисс Брайан?

Мисс Брайан поклонилась. Публика зааплодировала.

– И короля комиков Чарли Чейза...

Раздались новые аплодисменты, когда Чарли Чейз поднялся в своей ложе и тоже поклонился.

– Не выношу подобных представлений, – буркнула Глория.

– Но ничего не имела бы против, если бы представляли тебя, а? – спросил я.

– Ну, удачи вам! – пожелала миссис Лейден нам вслед, когда мы двинулись к помосту.

– У меня просто нет сил... – заявила Глория, – нет сил смотреть на этих знаменитостей, нет сил снова и снова делать одно и то же.

– Иногда я жалею, что вообще с тобой связался, – вздохнул я. – Не хотелось так говорить, но это правда. – До нашей встречи я и представить себе не мог, что человек способен

быть таким занудой...

Вместе с другими парами мы сгрудились на стартовой черте.

– Я устала от жизни, но боюсь умереть... – сказала Глория.

– Какая замечательная тема для песенки, – отозвался, услышав слова Глории, Джеймс Бэйтс. – Сочини песенку о старом негрите на берегу реки, который устал жить, но боится умереть. Он мог бы собирать хлопок и жаловаться реке Миссисипи. Ну разве не дивная идея?! Да, и назови песню «Миссисипи, старая река».

Глория скорчила мину и метнула в Джеймса взгляд-молнию.

– Рад приветствовать вас, – обратился Рокки к миссис Лейден, которая поднялась на сцену. – Дамы и господа, – сказал он в микрофон, – счастлив представить вам самую страстную болельщицу нашего чемпионата по танцевальному марафону, женщину, которая не пропустила ни одного вечера с начала наших состязаний. Итак, миссис Лейден, руководство чемпионата награждает вас персональным пропуском, он откроет перед вами двери на все марафоны, где бы и когда бы они ни проходили. Аплодисменты миссис Лейден, дамы и господа! Не хотите ли что-нибудь сказать, миссис Лейден?

Та на мгновение замялась, изрядно растерявшись, она просто не знала, как ей сейчас себя вести, но, когда публика заплодировала, сделала несколько шагов вперед и неловко

поклонилась. Очевидно, это было одно из главных событий в ее жизни.

– Все болельщики нашего танцевального марафона вас, конечно, уже видели, – продолжал Рокки. – Каждый вечер миссис Лейден судит дерби, не будь ее, не было бы и дерби. Как вам нравятся наши соревнования, миссис Лейден? – спросил он, наклонив стойку так, чтобы женщина могла говорить в микрофон.

– Да блевать ей от них хочется, – шепнула Глория. – Ноги бы ее здесь не было, засранец проклятый!..

– Мне очень нравится, – сказала миссис Лейден. Она так волновалась, что едва могла говорить.

– Кто ваша любимая пара, миссис Лейден?

– Моя любимая пара – номер двадцать два, Роберт Сайвертин и Глория Битти.

– Любимая пара миссис Лейден – пара номер двадцать два, дамы и господа, спонсор – компания «Пиво „Джонатан”», от которого не толстеют! Вы болеете за них и желаете им победы, миссис Лейден?

– Да, я за них болею и, будь я помоложе, записалась бы на марафон сама.

– Отлично. Благодарю за беседу, миссис Лейден. Итак... теперь я имею честь вручить вам персональный бессрочный пропуск, миссис Лейден, – дар руководства чемпионата. Вы можете приходить в любое время – и как? Бесплатно! Бесплатно...

Миссис Лейден взяла пропуск. Она была настолько преисполнена благодарности и растрогана, что улыбалась, и плакала, и кивала – все сразу.

– Еще один великий миг... – съязвила Глория.

– Заткнись! – рявкнул я.

– Итак... судьи готовы? – спросил Рокки, выпрямляясь.

– Все готово. – Ролло проводил миссис Лейден к креслу, туда, где сидели арбитры.

– Дамы и господа, – сказал Рокки, – большинство из вас знакомы с правилами и порядком проведения дерби. Но для тех, кто подобные соревнования видит впервые, повторю их еще раз, чтобы вы знали, в чем дело.

Ребята состязаются на дорожке пятнадцать минут, мужчины должны шагать, ступая строго с пятки на носок, девушки могут бежать трусцой или как им угодно. Если один из участников будет вынужден по какой-либо причине уйти в бокс – так мы называем центр площадки, где стоят раскладушки, – если кому-то из них понадобится покинуть дорожку, независимо от причины, их партнеру каждые пройденные два круга будут засчитываться за один. Это ясно?

– Да начинайте же! – крикнул кто-то из публики.

– Персонал и тренеры готовы? Врач на месте? Отлично... – Рокки протянул стартовый пистолет Ролло. – Вы дадите старт нашим ребятам, мисс Делмар? – спросил Рокки в микрофон. – Дамы и господа, мисс Делмар – знаменитая голливудская писательница-романистка...

Ролло отнес пистолет мисс Делмар.

– Ну-с, приготовьтесь, дамы и господа, – нараспев произнес Рокки, – сейчас начнется. Прошу, мисс Делмар.

Пистолет гроыхнул, и мы помчались.

Мы с Глорией пропустили вперед тех, кто рвался увеличить скорость, вовсе не пытаясь попасть в лидеры. У нас была своя система: задать равномерный темп и поддерживать его. Никаких денег, никаких спецпризов тем вечером не предвиделось. Да и будь они, нам-то какая разница.

Публика хлопала и топала, зрители жаждали пощекотать себе нервы, но в тот вечер все обошлось. В бокс ушла только одна девушка, Руби Бэйтс, и то только на два круга. И впервые за все время никто не рухнул на площадку, когда забег закончился.

Но кое-что испугало меня в тот вечер. Глория висела у меня на поясе тяжелее и чаще, чем когда бы то ни было. Последние пять минут дерби казалось, что ей конец, что у нее совсем не осталось сил. Мне практически пришлось волочь ее за собой. В этот раз мы были на волосок от выбывания.

Но все-таки не выбыли. Позднее в тот вечер миссис Лейден сообщила, что разговаривала с арбитром, который нас контролировал. Мы преодолели всего на два круга больше, чем проигравшая пара. Это нагнало на меня страху, и я решил, что впредь не стану полагаться ни на какую систему и как следует возьмусь за дело.

Последними оказались Бэрил Жерар и Женевьева

Томблин, пара номер шестнадцать. Их автоматически дисквалифицировали. Я знал, Женестьева рада, что для нее все кончилось. Теперь она могла выйти замуж за капитана корабля, ходившего в промысловые рейсы. Познакомились они в первую неделю марафона.

Женестьева вернулась на площадку, когда мы обедали. Она уже переоделась и сейчас держала в руках чемоданчик.

– Дамы и господа, – сказал Рокки в микрофон, – эта очаровательная девушка сегодня покидает марафон. Разве не чудесно она выглядит? Попрошу аплодисменты, дамы и господа.

Публика зааплодировала, а Женестьева по дороге на сцену кланялась на все стороны.

– Вот что мы называем спортивным духом, дамы и господа, они с партнером проиграли дерби в жестокой борьбе, но вот Женестьева здесь, и она снова улыбается нам, дамы и господа, и я выдам вам ее маленькую тайну... – Приблизив лицо к микрофону, он деланным шепотом продолжал: – Она влюблена и собирается замуж. Да, вот так, дамы и господа, наш танцевальный марафон стал прибежищем романтики, ибо Женестьева собирается замуж за человека, с которым познакомилась в этом зале. А сегодня вечером он здесь, Женестьева? Он здесь?

Женестьева улыбнулась и кивнула.

– Где же он, этот счастливец? – вопрошал Рокки. – Где же он? Покажитесь публике, капитан...

Зрители стали оглядываться по сторонам.

– Вот он! – возвестил Рокки, указывая на противоположный конец зала.

Какой-то мужчина перешагнул барьер ложи и направился к Женевьеве. Он шел той особой походкой, какой ходят моряки.

– Скажите нам пару слов, капитан. – Рокки передвинул стойку микрофона.

– Я влюбился в Женевьеву с первого взгляда, – произнес капитан, – и через несколько дней предложил ей бросить марафон и выйти за меня. Она отказалась, не хотела подводить своего партнера, и мне ничего не оставалось, как просиживать здесь штаны в ожидании. Я рад, что ее дисквалифицировали, потому что, честно говоря, весь горю от нетерпения...

Публика изнемогала от смеха. Рокки вернул стойку микрофона в прежнее положение.

– Золотой дождь для будущей невесты, дамы и господ!..

Капитан перехватил стойку и прижал микрофон к губам.

– Не слушайте его, люди, – заявил он. – Поверьте, я в состоянии сам о ней позаботиться.

– Вот бравый морячок, черт бы его побрал! – фыркнула Глория.

Золотой дождь не состоялся. О паркет не звякнула ни одна монета.

– Вот это называется скромность, – гнул свое Рокки. –

Но думаю, стоит сказать, что жених Женестьева – капитан «Тихоокеанской королевы», старого четырехмачтового барка, который сейчас бросил якорь всего в трех милях от курзала. Днем к кораблю каждый час ходит морское такси, и если кто-то из вас, друзья, хочет вволю порыбачить, отправляйтесь на лов с капитаном...

– Да поцелуй ты ее, мужик! – заорал кто-то из публики.

Капитан поцеловал Женестьева, и, когда уводил ее с площадки, публика выла и аплодировала не переставая.

– Это уже вторая свадьба, которая состоится благодаря нашему танцевальному марафону, дамы и господа, – сообщил Рокки. – Не забывайте, пожалуйста, о большом торжественном свадебном обряде, свидетелями которого вы станете на будущей неделе. Пара номер семьдесят один, Ви Лоуэлл и Мери Хоули заключат брак прямо у вас на глазах. Музыку, пожалуйста! – бросил он оркестру.

Бэрил Жерар вынырнул из раздевалки, уже переодевшись, и направился к столу – наесться напоследок за счет организаторов.

Рокки уселся на край помоста, болтая ногами.

– Смотри не переверни мне кофе, – заметила Глория.

– Ага, ну как же. – И Рокки слегка подтолкнул стаканчик. – Как вам кормежка?

– Годится, – ответил я.

К нам подошли две дамы средних лет. Я уже видел их в ложах несколько раз.

– Вы здесь главный? – спросила одна из них Рокки.

– Ну нет, – хмыкнул тот. – Я только за него. Что вам угодно?

– Меня зовут миссис Хигби, – представилась женщина. – А это миссис Уичер. Могли бы мы поговорить с вами наедине?

– Ну... наедине здесь поговорить просто негде, – заметил Рокки. – Что вам угодно?

– Мы здесь в качестве президента и вице-президента...

– Что случилось? – спросил из-за моей спины проходивший мимо Сокс Дональд.

– Вот вам главный. – По лицу Рокки было видно, что ему полегчало.

Обе женщины уставились на Сокса.

– Меня зовут миссис Хигби, а это миссис Уичер, – повторила миссис Хигби. – Миссис Уичер – вице-президент, а я президент Лиги матерей за общественную нравственность.

– Ай-яй-яй! – шепнула Глория.

– Слушаю вас.

– Мы хотим вручить вам заявление. – Миссис Хигби сунула Соксу в руку какую-то бумагу.

– А в чем дело?

– Говоря коротко, – выпалила миссис Хигби, – наша Лига матерей за общественную нравственность осудила ваше мероприятие...

– Минутку, – прервал ее Сокс. – Пройдемте ко мне в ка-

бинет и там все обсудим.

Миссис Хигби переглянулась с миссис Уичер и кивнула.

– Отлично, – согласилась она.

– Вы пойдете с нами, ребятки, и ты тоже, Рокки. Эй, сестра, уберите посуду. – Он улыбнулся дамам. – Видите, мы не позволяем нашим ребятам делать ничего лишнего, чтобы не тратить даром силы. Прошу сюда...

Он повел нас с площадки за сцену, в свой кабинет. Когда мы шагали за ним, Глория сделала вид, что споткнулась и рухнула на миссис Хигби, обхватив ее за шею.

– Ох, простите, простите меня, я не хотела, – тут же извинилась Глория и уставилась в пол, словно пытаюсь понять, за что зацепилась.

Миссис Хигби ничего не сказала, только с яростью взглянула на Глорию и поправила шляпку. Глория толкнула меня локтем и подмигнула, кивнув в сторону миссис Хигби.

– Помните, ребята, вы тут свидетели, – шепнул нам Сокс, когда мы заходили в его кабинет, кстати, ужасно тесный. Я заметил, что в нем почти ничего не изменилось с того дня, когда мы с Глорией пришли записываться на марафон. Разве что на стену Сокс прикрепил фотографии обнаженных девушек. Увидев их, миссис Хигби и миссис Уичер тут же многозначительно переглянулись.

– Прошу садиться, – сказал Сокс. – Так в чем, собственно, дело?

– Лига матерей за общественную нравственность осудила

ваши состязания, – заявила миссис Хигби. – Мы находим их аморальными и унижительными, они оказывают губительное влияние на публику. Мы постановили, что их необходимо прекратить.

– Прекратить?

– И немедленно. Если вы откажетесь, мы обратимся к городским властям. Это аморальное и унижительное явление...

– Вы совершенно не правы, – прервал ее Сокс. – В марафоне нет ничего унижительного. Наши ребята от него просто без ума. С начала соревнований все они прибавили в весе...

– Но в марафоне принимает участие молодая женщина, которая в ближайшее время станет матерью, – сказала миссис Хигби, – некая Руби Бэйтс. Это преступление – заставлять ее целый день ходить и бегать, когда вот-вот должен появиться ребенок. И абсолютно недопустимо выставлять ее перед публикой полураздетой. Полагаю, ей следует надевать хотя бы жакет...

– Поймите, – снова перебил Сокс, – я никогда не смотрел на это с такой точки зрения. Мне всегда казалось, Руби знает, что делает, и на ее живот никто внимания не обращал. Но я понимаю вашу позицию. Хотите, чтобы мы исключили ее из состязаний?

– Разумеется, – подтвердила миссис Хигби, и миссис Уичер кивнула.

– Ну ладно, – вздохнул Сокс, – как вам будет угодно. Со мной всегда можно договориться. В конце концов, я оплачу

ее счет из роддома... Благодарю, что вы обратили на нее мое внимание. Я немедленно распоряжусь...

– Это не все, – продолжала миссис Хигби. – Вы в самом деле собираетесь на будущей неделе устроить здесь свадьбу или просто заявляете об этом, чтобы привлечь толпы безрассудных зрителей?

– Я никогда не вел нечестной игры, – сказал Сокс. – Свадьба пройдет по всем правилам. Я не могу себе позволить обманывать публику. Можете спросить любого, с кем я имел дело...

– Ваша репутация нам известна, – прервала его миссис Хигби. – Но все равно мне даже не верится, что вы в состоянии допустить нечто настолько святотатственное...

– Двое молодых людей, которые собираются пожениться, в самом деле любят друг друга, – вмешался Рокки.

– Мы не допустим подобной профанации святых понятий, – настаивала миссис Хигби. – Требуем немедленно прекратить состязание!

– А что будет со всеми нами? – спросила Глория. – Можно отправляться прямо на улицу?

– Только не пытайтесь оправдываться, мисс, – оборвала ее миссис Хигби. – Эти состязания аморальны. Они привлекают отбросы общества, один из ваших участников был беглым убийцей – тот итальянец из Чикаго...

– Ну, в этом моей вины нет, – сказал Сокс.

– Вот как раз ваша-то вина и есть, именно ваша. Мы при-

шли сюда потому, что наш долг – охранять город от проникновения подобных вам типов.

– Не возражаете, если мы с ассистентом выйдем на минутку, чтобы кое-что обсудить? – спросил Сокс. – Возможно, мы найдем решение...

– Пожалуйста, – согласилась миссис Хигби.

Сокс кивнул Рокки, и они вышли.

– У вас есть дети? – спросила Глория, когда двери за ними закрылись.

– У нас обеих взрослые дочери, – ответила миссис Хигби.

– А знаете ли вы, где они сегодня вечером и чем занимаются?

Женщины молчали.

– Пожалуй, я могу вам подсказать, в общих чертах, – продолжала Глория. – Как раз сейчас, когда вы, две благородные дамы, выполняете здесь свой долг перед людьми, которых совсем не знаете, ваши дочери наверняка в чьей-нибудь холостяцкой квартирке, догола раздевшись и напившись допьяна, предаются радостям жизни.

У миссис Хигби и миссис Уичер дух перехватило.

– Так всегда случается с дочерьми пуритан, – продолжала Глория. – Раньше или позже кто-нибудь из них залетит, и девица окажется настолько глупа, что не сообразит, как с этим справиться. И вы выгоните ее из дому этими своими заскоружными представлениями о порядочности, и хотя вы все время всех учите, у вас нет времени объяснить собствен-

ным детям, как устроена жизнь.

– Ну, это... – Лицо миссис Хигби начало багроветь.

– Глория! – вмешался я.

– Ваша моральная лига и все ваши сраные дамские клубы, – продолжала она, полностью меня игнорируя, – кишмя кишат иссохшими страхолюдинами, на которых в жизни никто не клюнул. Почему бы этим бабам не собраться с духом и не нанять за деньги какого-нибудь жеребца? Это именно то, чего им не хватает.

Миссис Хигби метнулась к Глории с поднятой рукой, словно собираясь ее ударить.

– Только попробуй тронь меня. – Глория даже не шевельнулась. – Только тронь, и увидишь, что я сделаю с твоей задницей!

– Вы... вы... мерзкая шлюха, – прохрипела миссис Хигби вне себя от ярости.

Двери распахнулись, Глория отлетела в сторону, вошли Сокс и Рокки.

– Эта... эта... – Миссис Хигби грозила Глории пальцем.

– Хватит кудахтать, – прервала ее Глория, – говорите по-человечески. Вы ведь можете произнести это слово. Шлюха. Ш-л-ю...

– Заткнись! – рявкнул Сокс. – Уважаемые дамы, мы с ассистентом решили принять все требования, которые вы нам собираетесь предъявить...

– Требование одно-единственное – закрыть этот притон,

и немедленно! – заявила миссис Хигби. – Иначе утром мы отправимся в мэрию. – И она направилась к дверям, а миссис Уичер – следом.

– Вам, мисс, – сказала она Глории, – вам место в исправительном доме!

– Там я уже была, – ухмыльнулась Глория. – У нас была начальница – очень похожа на вас. Кстати, лесбиянка...

У миссис Хигби опять перехватило дух, она вылетела из кабинета, миссис Уичер – за ней.

Глория захлопнула за ними двери, упала в кресло и расплакалась. Закрыв лицо руками, она пыталась подавить рыдания, но все было напрасно. Глория сотрясалась и корчилась от отчаяния, как будто потеряв всякий контроль над верхней половиной тела. Некоторое время в кабинете были слышны только ее рыдания и шум вздымавшегося океана, который доносился из приоткрытого окна.

Потом к Глории подошел Сокс и ласково положил руку ей на голову.

– Ничего, детка, ничего, – сказал он.

– Так, все, что ты увидел и услышал в этом кабинете, должно остаться при тебе, – велел мне Рокки. – Не вздумай рассказывать остальным...

– Буду молчать, – пообещал я. – Значит, придется прикрыть марафон?

– Еще нет, – вздохнул Сокс. – Пока это значит, что нам придется кое-кого подмазать. Утром я поговорю со своим ад-

вокатом. Но Руби придется сказать, Рокки. Она должна уйти. Многих женщин при ее виде коробит. – Он оглянулся на дверь и выругался: – Черт, надо было мне ввязаться в это дело! На хрена мне эти проклятые бабы...

В день 19 сентября 1935 года...

Протанцовано часов: 855

Осталось пар: 21

КАМПАНИЯ ПРОТИВ ТАНЦЕВАЛЬНОГО
МАРАФОНА

ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ

ЛИГА МАТЕРЕЙ УГРОЖАЕТ МАССОВЫМИ

АКЦИЯМИ, ЕСЛИ МЭРИЯ НЕ ЗАПРЕТИТ

СОСТЯЗАНИЯ

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

11

«Лига матерей за общественную нравственность продолжает свою кампанию против танцевального марафона и угрожает, что обратится непосредственно к жителям, если мэрия не запретит состязания. Танцевальный марафон проходит в курзале на пляже уже тридцать шесть дней.

Миссис Хигби и миссис Уичер, президент и вице-президент Лиги матерей, сегодня днем опять посетили мэрию и подали протест против продолжения танцевальных состязаний. В мэрии им сообщили, что городской прокурор внимательно изучает свод законов, чтобы решить, какие можно отыскать для этого юридические обоснования.

– Мы не можем ничего предпринять, пока не будем точно знать, что гласит закон, – заявил мэр Хинсдейл. – Пока что

нам не удалось обнаружить ни одного подходящего на сей случай параграфа, но городской прокурор изучает все возможные прецеденты.

– Колебались бы городские власти, если бы городу грозила чума? – вопрошала миссис Хигби. – Разумеется, нет. Если не существует закона, подходящего на сей случай, пусть издадут чрезвычайный закон. Танцевальный марафон – это чума, он аморален и унизителен, а в зале к тому же еще и общедоступный бар, место сборища гангстеров, мошенников и прочих криминальных типов. Разумеется, эта атмосфера не для наших детей...»

Газету я вернул миссис Лейден.

– Мистер Дональд говорил нам, что, по мнению его адвоката, город вообще ничего предпринять не сможет.

– Дело не в том, сможет или не сможет, – заметила миссис Лейден. – Эти женщины вбили в голову, что должны тут все прикрыть, и увидите, они этого добьются, есть такой закон или нет.

– Не вижу в марафоне ничего дурного, – сказал я, – но насчет бара они правы. В «Пальмовой роще» сидит уйма типов, от одного вида которых мороз по коже... Как вы думаете, много времени потребуется Лиге, чтобы добиться своего?

– Не знаю, но они добьются. Что вы тогда собираетесь делать?

– Прежде всего как следует насладиться солнцем, – отве-

тил я. – Раньше я любил дождь и терпеть не мог солнца, но теперь все наоборот. Здесь так не хватает солнца!..

– А что потом?

– Пока еще у меня нет никаких планов.

– Понимаю. Где Глория?

– Надевает спортивную форму. Сейчас придет.

– Она начинает слабеть, да? Доктор говорит, ей приходится по несколько раз в день проверять сердце.

– Это еще ничего не значит, – возразил я. – Доктор проверяет всех. С Глорией все нормально.

Нормально с Глорией не было, и я это знал. Каждое дерби представляло для нас теперь проблему. Мне никогда не понять, как мы продержались последние два вечера.

За два забега Глория уходила в бокс двенадцать раз, но, правда, возвращалась. Я не хотел делать далекоидущих выводов только потому, что доктор проверял ей сердце шесть или семь раз в день. Того, что у нее не в порядке, ни один стетоскоп не обнаружит.

– Наклонитесь ко мне, Роберт, – сказала миссис Лейден.

Впервые она назвала меня по имени, и я немного растерялся. Я перегнулся через барьер, но продолжал раскачиваться из стороны в сторону, чтобы никто не мог упрекнуть меня в том, что я нарушаю правила и не двигаюсь. Зал был набит битком.

– Вы же знаете, я ваш друг, верно?

– Конечно, знаю.

– Знаете, что я отыскала вам спонсоров?

– Разумеется.

– Вы мне доверяете, не так ли?

– Конечно, я вам доверяю.

– Роберт, Глория не та девушка, что вам нужна.

Я промолчал, любопытно было, что за этим последует. Я никак не мог понять, почему миссис Лейден проявляет ко мне такой интерес, разве что... Но это было исключено. Она мне в бабушки годилась.

– От нее вы никогда не дождетесь ничего хорошего, – продолжала миссис Лейден. – В душе она злая женщина и может поломать вам жизнь. Вы же не хотите загубить свою жизнь? Или хотите?

– Она этого не сделает, – возразил я.

– Обещайте мне, что никогда больше не увидите с ней, когда здесь все закончится.

– Ох, да я же не собираюсь жениться на ней, ничего подобного, – заверил я. – Я в нее даже не влюблен. Но она довольно милая. Просто временами впадает в депрессию.

– Это не депрессия, – возразила миссис Лейден. – Это ненависть. Она ненавидит всех и вся. Она жестока и опасна.

– Я и не догадывался, что у вас такое о ней впечатление, миссис Лейден.

– Я старая женщина, – сказала она, – ужасно старая женщина. И я знаю, что говорю. Когда это кончится... Роберт, – вдруг назвала она меня по имени, – я не так бедна, как вы

думаете. Я похожа на бедную женщину, но я не бедная. Я богатая. Очень богатая и щедрая. Когда вы отсюда выберетесь...

– Добрый вечер, – произнесла Глория, появившаяся так неожиданно, словно с неба свалилась.

– Добрый вечер, – ответила миссис Лейден.

– О чем это вы? – поинтересовалась Глория. – Я не помешала?

– Не помешала, – недовольно буркнул я.

Миссис Лейден развернула газету и погрузилась в чтение. Мы с Глорией направились к помосту.

– Что она тебе про меня говорила? – спросила Глория.

– Ничего, – ответил я. – Мы обсуждали, как быть, если марафон запретят...

– Вы говорили кое о чем еще. Почему же тогда вы замолчали, когда я подошла?

– Не выдумывай.

– Дамы и господа, – сказал Рокки в микрофон, – или, точнее, прочитав газеты, – продолжал он, когда шум утих, – мне бы надо было скорее обратиться к вам: наши милые, безрассудные зрители!

Это вызвало взрыв смеха, публика поняла, на что он намекает.

– Как видите, марафон продолжается... – голос его окреп, – и будет продолжаться, пока не останется один-единственный участник – абсолютный победитель. Хочу побла-

годарить вас за то, что вы пришли к нам сегодня, и хочу напомнить: не пропустите завтрашний вечер. Завтра здесь состоится торжественное бракосочетание, пара номер семьдесят один – Ви Лоуэлл и Мери Хоули – будет обвенчана прямо у нас на глазах известным и уважаемым местным священником. Если вы еще не заказали билеты, сделайте это поскорее. А теперь, прежде чем начать дерби, хочу представить некоторых знаменитостей из числа наших зрителей. – Он взглянул на листок. – Дамы и господа, среди наших почетных гостей сегодня блистательный киноактер Билл Бойд. Поприветствуйте зрителей, мистер Бойд!

Билл Бойд Трюкач встал, поклонился, и публика захлопала.

– А вот еще один актер театра и кино – Кэн Мюррей. Мистер Мюррей привел с собой целое созвездие знаменитых гостей. Вы не спуститесь к нам на арену, мистер Мюррей, чтобы представить своих спутников?

Публика хлопала так, что в ушах звенело. Мюррей колебался, но потом перешагнул барьер и вышел на сцену.

– Ну ладно, друзья, – сказал он и взял микрофон. – Прежде всего у нас здесь юная исполнительница главных ролей мисс Аннет Луизи...

Мисс Луизи встала.

– Мисс Джун Клайд...

Мисс Клайд встала.

– Мисс Сью Кэрл...

Мисс Кэрол встала.

– Том Браун...

Том Браун встал.

– Торнтон Фрилэнд...

Торнтон Фрилэнд встал.

– Ну вот, кажется, и все, друзья мои.

Мюррей обменялся с Рокки рукопожатием и вернулся к своей компании.

– Дамы и господа... – сказал Рокки.

– Вон сидит Фрэнк Борзи, знаменитый режиссер. Его не представили, – шепнул я Глории. – Пойдем поговорим с ним.

– Зачем?

– Но ведь он режиссер, верно? Мог бы помочь тебе попасть в кино...

– Плевать мне на кино, – скривилась Глория. – Я хотела бы умереть...

– А я иду, – отрезал я.

Я медленно шел вдоль лож, и меня трясло. Нервы едва не подвели меня, и я чуть было не вернулся.

«Стоит рискнуть, – убеждал я себя. – Ведь он один из лучших режиссеров на свете. Наступит день, когда я буду знаменит, как он сейчас, и я ему напомню про эту встречу...»

– Добрый вечер, мистер Борзи, – сказал я.

– Здравствуй, парень, – ответил он. – Ну как, выиграешь сегодня?

– Н-надеюсь... Я видел вашу «Величайшую славу». По-

моему, фильм удался.

– Приятно, что он тебе понравился.

– Вот кем я хотел бы когда-нибудь стать, – продолжал я. –

Таким режиссером, как вы.

– Думаю, у тебя получится.

– Ну... – Я помолчал. – Тогда до свидания.

Я вернулся к помосту.

– Это Фрэнк Борзи, – сказал я Киду Камму.

– Да?

– Он великий режиссер, – пояснил я.

– Ага, – понимающе кивнул Кид.

– Итак, – гудел Рокки, – арбитры готовы? Протоколы розданы, Ролло? Отлично, ребята...

Мы вышли на линию старта.

– Сегодня рисковать не будем, – шепнул я Глории. – Нечего играть с огнем.

– Приготовьтесь к старту, ребята, – сказал Рокки. – Персонал и тренеры на местах? Итак, поехали, дамы и господа. Оркестр, музыку!

Из пистолета он выстрелил сам.

Мы с Глорией ринулись вперед и пробились на второе место, сразу за Кидом Каммом и Джеки Миллер. На этот раз лидировали они, хотя обычно забег возглавляли Джеймс и Руби Бэйтс. Входя в первый поворот, я вспомнил о Джеймсе и Руби, где они. Мне казалось, что без них дерби кажется каким-то ненастоящим.

В конце первого круга нас обогнали Мак Астон с Бесс Картрайт и вышли на второе место. Я старался шагать быстрее, чем когда-либо раньше. Знал – так надо. Все слабаки уже выбыли. Остались только быстроногие пары.

Кругов шесть или семь мы оставались на третьей позиции, и публика начала свистеть и выть, чтобы мы шли вперед. Я боялся сделать такую попытку. Перегнать на скорости можно только проходя поворот, а это отнимает уйму сил.

Глория держалась вполне прилично, и я не хотел ее излишне утомлять. Пока она была в состоянии бежать сама, бояться нам было нечего.

На восьмом круге мне стало жарко. Я сорвал с себя свитер и бросил его тренеру. Глория сделала так же. К этому времени большинство девушек уже сняли свитера – публика выла и стонала от восторга – и остались лишь в крошечных бюстгальтерах, во время бега груди их так и подпрыгивали.

«Пока все отлично, вроде бы никто не собирается с нами бороться», – твердил я себе.

И вот нам бросили вызов. Педро Ортега и Лилиан Бэкон взвинтили темп, чтобы на повороте попасть на внутреннюю сторону дорожки. Ведь это была единственная возможность для обгона, хотя и не такая легкая, как казалось. Нужно было добиться преимущества хотя бы на пару шагов на прямой и потом резко войти в поворот. Это и задумал Педро. На вираже они столкнулись с нами, но Глория не подвела, удержалась на ногах, и я ее буквально протащил в вираж, так что

позицию мы удержали.

Я слышал, как публика охнула, и понял: что-то случилось. И тут же услышал звук падения тела – глухой удар о площадку. Не оглядываться! Я жал дальше. Это была вечная история. Когда мы вышли на прямую и я смог обернуться, не сбиваясь с шага, то увидел в боксе Мери Хоули, партнершу Ви Лоуэлла. Медсестра и тренеры уже занялись ею, стетоскопу доктора тоже нашлось применение.

– Освободите внутреннюю дорожку участнику, идущему в одиночку, ребята! – завопил Рокки.

Я посторонился, и Ви меня обогнал. Теперь ему предстояло делать по два круга за один наш. Проносясь мимо бокса, он так и косил туда глазами; на лице застыла мученическая гримаса.

Мне было ясно, что у него ничего не болит; он только хотел понять, скоро ли вернется его партнерша... Когда он в одиночку заканчивал четвертый круг, Мери поднялась и присоединилась к нему.

Я дал знак медсестре, что нужно мокрое полотенце, и на следующем круге она набросила его мне на шею. Конец полотенца я закусил зубами.

– Четыре минуты до конца! – взревел Рокки.

В этом забеге мы намучились как никогда, Кид и Джеки задали убийственный темп. Я знал, что Глории и мне ничто не угрожает, если мы удержим нашу скорость, только никогда нельзя сказать, когда сдаст партнерша. С какого-то мо-

мента она вдруг начинает двигаться как автомат, словно вообще не отдает себе отчета в том, что движется. Тут же гаснет скорость, и вы начинаете отставать. Этого я боялся больше всего, боялся, что Глория сломается. Она уже начала виснуть у меня на поясе.

«Сама! Беги сама!» – заорал я на нее в душе и чуть притормозил, поскольку думал, что ей станет легче. Педро с Лилиан только того и ждали, на вираже они рванули мимо нас и вышли на третье место. Вплотную за собой я чувал топот остальных. Вдруг меня осенило: «Они бегут за Глорией по пятам». Теперь у нас не было никакой форы. Я чуть сдвинулся в сторону. Для Глории это был сигнал, чтобы перенести вес на другую сторону пояса. Так она и сделала.

«Слава Богу, – сказал я себе. – Это хороший знак. Значит, она еще в состоянии соображать».

– Минута до конца! – объявил Рокки.

Теперь пора было браться за дело всерьез. Кид Камм и Джеки чуть притормозили, пришлось сделать то же и Марку с Бесс, и Педро с Лилиан. Глория и я были между ними и остальными. Неудачная позиция. Я молил Бога, чтобы у тех, сзади, не осталось сил спуртовать, потому что было ясно – хватит малейшего столкновения, чтобы Глория сбилась с шага и очутилась на полу. А если упадешь сейчас...

Собрав остатки сил, чтобы оторваться, уйти хоть на шаг вперед и избавиться от угрозы, нависавшей сзади...

Когда раздался выстрел, означавший финиш, я обернул-

ся, чтобы подхватить Глорию. Но она устояла. А затем, лоснящаяся от пота, едва переводя дух, упала в мои объятия.

– Помощь нужна? – крикнул Рокки с помоста.

– Все в порядке, – ответил я. – Оставьте ее, пусть отдохнет.

Большинство девушек пришлось отнести в раздевалку, но все мужчины столпились вокруг помоста, чтобы узнать, кого дисквалифицировали. Арбитры подали протоколы Ролло и Рокки, по которым те, чтобы вывести общий результат, подсчитывали круги, пройденные парами.

– Дамы и господа! – чуть погодя сообщил Рокки. – Вот результаты самого сенсационного дерби, какое вы только видели. Первое место – пара номер восемнадцать, Кид Камм и Джеки Миллер. Второе место – Мак Астон и Бесс Картрайт. Третье место – Педро Ортега и Лилиан Бэкон. Четвертое место – Роберт Сайвертин и Глория Битти. Это победители... А теперь проигравшие... Пара, оказавшаяся последней... пара, которая в соответствии с правилами и установленным порядком дисквалифицируется и выбывает из танцевального марафона, – это пара номер одиннадцать – Джерри Флинт и Вера Розенфильд.

– Вы с ума сошли! – выкрикнул Джерри Флинт достаточно громко, чтобы услышали в зале. – Это ошибка. – Он шагнул к помосту.

– Ну так посмотри сам, – сказал Рокки, подавая ему протокол.

– Жаль, что это не мы, – буркнула Глория, поднимая го-

лову, – жаль, что я не завалила забег.

– Да угомонись ты! – цыкнул я.

– Плевать я хотел на ваши бумажки, все вранье, что там понаписано. – Джерри Флинт сунул их обратно Рокки. – Я же знаю, сплошное вранье. Как, черт возьми, нас можно выкинуть, раз мы не были последними?

– Ты можешь сосчитать круги, когда мчишься по трассе? – спросил Рокки, пытаясь осадить Джерри. Я понимал, что это у него не получится, да и ни у кого бы не получилось.

– Нет, не могу, – признал Джерри. – Но знаю, что мы не уходили в бокс, а Мери ушла. Мы опережали Ви и Мери со старта и закончили раньше их...

– Что вы на это скажете? – спросил Рокки типа, стоявшего рядом. – За этой парой ведь наблюдали вы?

– Дружище, вы ошибаетесь, – заявил тот Джерри. – Я следил за вами очень внимательно.

– Тогда очень жаль, парень, – вмешался Сокс Дональд, протолкавшись сквозь кучку арбитров, – видимо, ты ошибся.

– Ни черта я не ошибся, просто вы все подстроили, – заявил Джерри. – И не морочьте мне голову. Ясно ведь, если бы сегодня отпали Ви и Мери, погорела бы завтрашняя свадьба...

– А ну потише... – бросил Сокс. – И марш в раздевалку.

– Ну ладно, – буркнул Джерри и шагнул к арбитру, который судил его и Веру во время дерби. – Сколько тебе Сокс

за это дал?

– Я не понимаю, о чем...

Джерри развернулся и двинул ему в зубы так, что тот рухнул на пол как подкошенный. Сокс подскочил к Джерри, начал на него орать, испепеляя взглядом и держа руку в заднем кармане.

– Только достань свою дубинку, – осадил его Джерри, – я тебя ей подавиться заставлю, в глотку тебе ее заколочу.

И ушел, пересек всю площадку и скрылся в раздевалке. Зрители повскакивали с мест и возбужденно загудели, пытаясь понять, в чем дело.

– Иди переоденься, – сказал я Глории.

Приведет смертный приговор в исполнение...

Протанцовано часов: 879 Осталось пар: 20

12

Целый день Глория пребывала в ужасной депрессии. Я без конца спрашивал, о чем она думает.

– Ни о чем, – устало отвечала она.

Сейчас-то мне ясно, каким я был дураком. Должен был знать о чем. И вот теперь, вспоминая тот последний вечер, не понимаю, как я мог быть таким дураком. Но тогда, в те дни, я многого не понимал...

Судья там, наверху, все говорит, говорит, но его слова проходят сквозь меня, как его взгляд сквозь стекла очков, проходят насквозь и исчезают без следа еще до того, как последует новый взгляд и раздастся новое слово.

Мои уши и мой мозг так же не воспринимают речь судьи, как не задерживают его взгляд сверкающие стекла.

Я слышу его руками, ногами, всем телом, но только не ушами, не мозгом. Ушами я слышу газетчика с улицы, как тот выкрикивает что-то про короля Александра, слышу грохот трамваев, рев автомобилей, слышу предостерегающие сигналы уличных семафоров; а в зале суда я слышу, как люди дышат и шаркают ногами, слышу, как поскрипывают де-

ревянные скамьи, как кто-то тихонько сплевывает в плевательницу. Все это я слышу ушами и мозгом, но судью я слышу только телом.

Если когда-нибудь вам придется слушать судью, говорящего то, что этот говорил мне, вы поймете, что я имею в виду.

А ведь в тот день у Глории вообще не было поводов для депрессии. С самого утра приходили и уходили толпы людей, в зале уже к полудню было битком, а перед свадьбой оставалось совсем немного пустых мест, и те в основном заказанные. Зал был украшен таким количеством флажков и красно-сине-белых лент, что, казалось, в любую минуту может прогреметь салют и оркестр заиграет национальный гимн. Тот день преподнес нам множество сюрпризов: то дизайнеры занялись интерьером, то мы репетировали свадьбу, то поползли слухи, что активистки из Лиги матерей хотят поджечь зал, и к тому же фирма «Пиво „Джонатан”» прислала нам с Глорией два полных комплекта одежды.

Да, поводов для депрессии у Глории просто не было, и тем не менее ей в тот день было хуже, чем когда-либо.

– Эй, парень! – окликнули меня из одной ложи. Человека этого я никогда не видел, но он замахал рукой, подзывая меня.

«Долго ты тут не просидишь, – мысленно сказал ему я. – На этом месте всегда сидит миссис Лейден. Когда она появится, придется тебе убраться».

– Вы из пары номер двадцать два? – спросил он.

– Точно.

– А где ваша партнерша?

– Вон там, – ответил я и показал рукой в сторону сцены, где Глория стояла с другими девушками.

– Позовите ее. Я хочу с ней познакомиться.

– Нет проблем, – сказал я и отправился за Глорией.

«Кто, черт возьми, это может быть?» – спрашивал я себя.

– Там какой-то тип хочет с тобой познакомиться, – сказал я Глории.

– Меня никакие знакомства не интересуют.

– Он вполне приличный мужчина. Отлично одет. Солидно выглядит.

– Да плевать мне, как он выглядит.

– Что, если он какой-нибудь продюсер? – спросил я. – Может, он на тебя глаз положил. Может, это твой шанс.

– Иди ты подальше с такими шансами.

– Ну же, – настаивал я. – Он ждет.

Наконец она все-таки пошла.

– Эти киношники такая тоска, – бурчала она на ходу. – Вечно приходится знакомиться с людьми, с которыми не хочется знакомиться, и улыбаться тем, на кого глаза бы не глядели. Как я рада, что с этим уже покончено.

– Опять ты за свое, – сказал я, пытаюсь хоть как-то поднять ей настроение.

Тогда я не придал значения последней реплике, но теперь

мне ясно, что в ее словах именно это было самым главным.

– Вот она, – сказал я тому человеку.

– Вы что, не знаете, кто я? – спросил он.

– Нет, откуда...

– Моя фамилия Максвелл, – представился он. – Я – шеф рекламного отдела компании «Пиво „Джонатан”».

– Очень приятно, мистер Максвелл. – Я протянул ему руку. – Это моя партнерша Глория Битти. Хочу поблагодарить вас за покровительство.

– Меня не благодарите, – отмахнулся он. – Поблагодарите миссис Лейден. Это она меня уговорила. Вы получили сегодня подарки?

– Да, получили, и они оказались очень кстати. Нам уже давно пора было обновить одежду. На таких марафонах она просто горит... Вы тут уже когда-нибудь были?

– Нет, и сегодня не был бы, если бы на этом не настояла миссис Лейден. Она столько рассказывала о ваших дерби... Сегодня вечером оно тоже будет?

– Из-за такой мелочи, как свадьба, дерби не отменят, – вздохнул я. – Сразу после венчания...

– Ну пока. – Глория развернулась и ушла.

– Я сказал что-нибудь не так? – спросил Максвелл.

– Нет-нет, но она должна еще получить последние инструкции. Свадьба вот-вот начнется.

Он нахмурился, видно, понял, что я лгу, чтобы как-то загладить хамство своей партнерши. Проводив взглядом Гло-

рию, удалявшуюся по площадке, он снова посмотрел на меня:

– Каковы ваши шансы выиграть дерби сегодня вечером?

– Вполне приличные, – заверил я. – Знаете, тут главное не выиграть, главное не проиграть. Если окажешься последним, тебя дисквалифицируют.

– Допустим, «Пиво „Джонатан”» установит премию для победителя – двадцать пять долларов. Думаете, у вас есть шанс выиграть?

– Разумеется, мы будем стараться изо всех сил, – заверил я.

– В таком случае решено, – сказал он, оглядев меня с головы до пят. – Миссис Лейден говорила мне, что вы надеетесь пробиться в кино. Это серьезно?

– Надеюсь, – ответил я. – Но не как актер. Хочу быть режиссером.

– А работать в нашей фирме у вас нет желания?

– Но я не умею...

– А вы когда-нибудь ставили фильмы?

– Нет, пока нет, но я не боюсь попробовать. Знаю, что справлюсь, и неплохо, – ответил я. – Ну, конечно, речь не о суперфильме вроде тех, что снимают Болеславский, или Мамулян, или Кинг Видор, – для начала я имею в виду совершенно иное.

– Например?

– Ну, что-нибудь короткометражное, хватило бы пары со-

тен метров. День из жизни обычного старьевщика или любого другого простого человека – знаете, такого, что зарабатывает тридцать долларов в неделю и должен кормить семью, и купить домик, и машину, и радиоприемник... такого, за которым неотступно следят кредиторы. Ничего, кроме самой жизни, – только камеры, рассказывающие о ней.

– Понимаю...

– Я не хотел вам надоедать, но мне так редко удается найти кого-то, кто бы меня выслушал, что просто не могу остановиться.

– Мне это не надоедает, напротив, это интересно, – сказал он. – Возможно, я...

– Добрый вечер. – В ложу вошла миссис Лейден. Мистер Максвелл встал. – Это мое место, Джон, – сказала миссис Лейден. – Ты садись вот сюда.

Максвелл рассмеялся и пересел в другое кресло.

– Ну, сегодня вы прекрасно выглядите, – повернулась она ко мне.

– Впервые в жизни я надел смокинг, – признался я и покраснел. – Мистер Дональд взял напрокат для всех мужчин смокинги, а девушкам – вечерние платья. Мы все пойдем в свадебном кортеже.

– Ну, что ты скажешь, Джон? – спросила миссис Лейден Максвелла.

– Он мне нравится, – ответил Максвелл.

– А на мнение Джона можно положиться, – сказала миссис

Лейден.

Тут я понял наконец, почему Максвелл задавал мне все эти вопросы.

– Прошу сюда, ребята! – позвал Рокки в микрофон. – Попрошу всех сюда, дамы и господа. Через несколько минут начнется торжественный обряд бракосочетания пары номер семьдесят один – Ви Лоуэлл и Мери Хоули. И не забывайте, пожалуйста, что свадьбой наша сегодняшняя вечерняя программа не исчерпывается. Свадьба – только начало. Только начало, – повторил он. – После свадьбы последует дерби.

Сокс Дональд что-то шепнул ему.

– Дамы и господа! – объявил Рокки. – Позвольте представить вам священника, который проведет обряд бракосочетания... всем вам прекрасно известного... преподобного Оскара Гильдера. Вы присоединитесь к нам, ваше преподобие?

Священник вышел на площадку и под аплодисменты публики зашагал к помосту.

– По местам! – скомандовал нам Сокс.

Мы разошлись на заранее отведенные места: девушки на один край помоста, мужчины на другой.

– Прежде чем свадебный кортеж начнет свое шествие, – сказал Рокки, – хочу еще раз поблагодарить тех, кто сделал возможным это торжественное событие. – Он скосил глаза на листок бумаги. – Свадебное платье для невесты предоставлено салоном мод «Бон-Тон», хозяин мистер Самуэльс. Поприветствуйте, пожалуйста, мистера Самуэльса.

Мистер Самуэльс поклонился аплодирующей публике.

– Туфельки для невесты предоставил обувной магазин «Хрустальный башмачок» с Мейн-стрит. Здесь мистер Девис? Встаньте, пожалуйста, мистер Девис.

Мистер Девис поднялся со своего места.

– Чулки и шелковое... гм, ну, сами знаете что... прислано из ателье мод «Ролли» для элегантных девушек. Где вы, мистер Лайтфут?

Мистер Лайтфут встал, публика свистела и выла.

– О причёске невесты позаботился салон красоты «Помпадур». Здесь ли мисс Смит?

Мисс Смит помахала зрителям в знак приветствия.

– А жениха с головы до ног любезно одела фирма мистера Тауэра по пошиву мужской одежды. Прошу вас, мистер Тауэр...

Мистер Тауэр вытянулся рядом со своим креслом.

– Все цветы для нашего торжества предоставлены школой цветоводов с Пихтового нагорья. Прошу, мистер Дюпре...

Мистер Дюпре встал.

– А теперь, дамы и господа, я передаю микрофон преподобному Оскару Гильдеру, который совершит обряд бракосочетания и соединит эти очаровательные создания...

Стойку с микрофоном он отдал Ролло, переставившему ее с помоста на площадку. Преподобный Гильдер приблизился к микрофону, кивнул оркестру, и свадебный кортеж пришел в движение. Обе линии кортежа, мужчины с одной стороны,

девушки с другой, дошли до конца зала и вернулись к священнику. Я впервые видел девушек не в брюках и не в спортивной форме.

Шествие мы репетировали в тот день дважды, нас учили, что каждый раз нужно приостановиться, прежде чем сделать следующий шаг. Невеста и жених ждали за сценой, но стоило им только появиться, как зал разразился криками и аплодисментами.

Миссис Лейден кивнула, когда я проходил мимо нее. У сцены мы разошлись по местам и остановились, а Ви и Мери с шафером, которым был Кид Камм, и подружкой невесты – Джеки Миллер – двинулись дальше, к священнику. Тот кивнул оркестру, музыка смолкла, и началась церемония. Все время, пока она длилась, я смотрел на Глорию. Мне еще не представился случай сказать ей, как безобразно она вела себя с мистером Максвеллом, и я все ждал, когда она взглянет на меня, чтобы намекнуть – мне многое надо сообщить ей, когда останемся одни.

– ...И объявляю вас мужем и женой! – произнес преподаватель Гильдер. Склонив голову, он начал читать молитву: – Господь – мой пастырь, и да благословит Он житие мое. На паствах зеленых пасет Он меня, к водам тихим меня приводит. Душу мою очищает, ведет меня по тропам справедливости во имя Свое. И если придется мне идти под сенью смерти, не будет страха в душе моей, ибо Ты со мной. Ты щит мой пред лицом врагов моих, Ты умащаешь власы мои, ча-

шу мою наполняешь до краев. Пусть доброта и милосердие Твое пребудут надо мной все дни жизни моей, и пребуду я в доме Господнем во веки веков.

Когда священник умолк, Ви робко поцеловал Мери в щеку и все столпились вокруг них. Зал сотрясался от топота и оваций.

– Минутку... еще минутку! – кричал Рокки в микрофон. – Всего минутку, дамы и господа!

Шум стих, и в этот момент с противоположного конца зала, из «Пальмовой рощи», долетел звук бьющегося стекла.

– Нет!.. – крикнул какой-то мужчина.

И тут прогремело пять выстрелов, один за другим. В публике поднялся крик.

– Оставайтесь на своих местах! Все оставайтесь на своих местах! – надрывался Ролло.

Часть зрителей кинулись к «Пальмовой роще» выяснить, что случилось, и я присоединился к ним. Сокс Дональд обогнал меня, шаря рукой в заднем кармане.

Перескочив через барьер в пустую ложу, я помчался следом за Соксом. У бара толпились и шумели люди, смотревшие куда-то вниз и пытавшиеся протиснуться к стойке поближе. Сокс пробрался вперед, и я тоже.

На полу лежал мертвый мужчина.

– Кто это сделал? – спросил Сокс.

– Он вон там, – ответил кто-то.

Сокс рванулся вперед, я – за ним. Меня несколько удиви-

ло, что за моей спиной оказалась Глория.

Парень, который стрелял, стоял у бара, опираясь на стойку. По лицу его стекала струйка крови. Сокс шагнул к нему.

– Он первый начал, Сокс, – сказал парень. – Хотел меня убить... ударил пивной бутылкой...

– Монк, ты засранец проклятый! – завопил Сокс и огрел его дубинкой по физиономии. Монк завалился на стойку, но не упал. Сокс молотил его снова, и снова, и снова, а кровавые брызги летели на всех и вся вокруг. Он буквально вбил парня в стойку.

– Эй, Сокс! – позвал кто-то.

Метрах в десяти от нас была еще одна кучка сбившихся в кружок людей, они тоже смотрели на пол, отталкивая друг друга. Мы пробились в середину – и там лежала она.

– О черт! – охнул Дональд.

Это была миссис Лейден, и у нее на лбу темнела маленькая дырочка. Джон Максвелл, упав на колени рядом, поддерживал ей голову... потом осторожно положил ее на пол и встал. Голова миссис Лейден медленно повернулась в сторону, и кровь, скопившаяся в глазнице, вытекла на пол.

Джон Максвелл заметил нас с Глорией.

– Вместе с другими арбитрами она шла готовиться к дерби, – сказал он. – Шальная пуля...

– Жаль, что не в меня, – прошептала Глория.

– О черт, черт, черт... – скрежетал зубами Сокс Дональд.

Нас всех собрали в женской раздевалке. В зале почти никого не осталось, только полиция и несколько репортеров.

– Вы, наверное, догадываетесь, почему я вас собрал, ребята, – медленно начал Сокс, – и догадываетесь, что я вам хочу сказать. Нет смысла обвинять кого-либо в том, что случилось, – такие вещи просто случаются, и все. Для вас это удар, для меня тоже. Только у нас дела пошли на лад... Мы с Рокки посоветовались и решили, что премию, ну, тысячу долларов, мы разделим между вами поровну – и еще тысячу я добавлю из своих. На каждого придется по пятьдесят долларов. Это справедливо?

– Да, – ответили мы.

– Вы думаете, шансов, что нам дадут продолжить, нет? – спросил Кид Камм.

– Никаких. – Сокс покачал головой. – Раз против нас еще и лига пуританок, нет никаких.

– Ребята, – сказал Рокки, – мы многое пережили вместе, и мне с вами здорово работалось. Может, мы когда-нибудь еще организуем такой же марафон..

– Когда мы получим деньги? – спросил Ви Лоуэлл.

– Утром, – ответил Сокс. – Кто из вас хочет остаться тут на ночь – пожалуйста, как всегда. Но если хотите уйти, никто вас не держит. Деньги для вас будут готовы утром, после десяти, можете прийти когда угодно. Теперь же я с вами прощаюсь, мне надо в полицию.

Способом, предписанным законами штата Калифорния...

13

Мы с Глорией шли через площадку, и у меня ужасно скрипели туфли. Рокки стоял с каким-то полицейским у главного входа.

– Далеко, ребята? – спросил он.

– На воздух, – ответила Глория.

– Вернетесь?

– Вернемся, – сказал я. – Только немного подышим воздухом. Слишком давно не были на улице...

– Не задерживайтесь. – Рокки взглянул на Глорию и многозначительно облизнулся.

– А пошел ты... – фыркнула Глория, выходя.

Было уже два часа ночи. Воздух влажный, чистый и свежий. Такой чистый и свежий, что я чувствовал, как впитывают его легкие.

Обернувшись, я посмотрел на здание курзала.

– Вот где мы провели все это время, – сказал я. – Теперь я знаю, что чувствовал Иона, выйдя из чрева кита.

– Пойдем, – прервала меня Глория.

Мы обошли здание и вышли на аллею курзала. Мол простирался в океан, насколько хватало взгляда, и прибором взды-

мался и падал, и разбежался, и взметал столбы брызг.

– Удивительно, как волны не смоят весь мол, – заметил я.

– Ты на волнах просто помешан, – хмыкнула Глория.

– Брось...

– Не говоришь ни о чем другом как минимум месяц...

– А ты попробуй постой минутку тихо и поймешь, что я имею в виду. Почувствуешь, как океан вздымается и падает...

– Это я чувствую и так, – сказала она, – но не вижу причин млеть от восторга. Движение волн не прекращается вот уже миллионы лет.

– Не думай, что я помешался на океане, – ответил я. – Я легко переживу без него, даже если никогда больше его не увижу. Я сыт им по горло.

Мы сели на скамейку, влажную от брызг прибоя. Почти в конце мола несколько парней, перегнувшись через парапет, ловили рыбу. Ночь была темная, ни луны, ни звезд. Неровная линия белой пены очерчивала побережье.

– Чудесный воздух, – произнес я.

Глория молча вглядывалась в даль. Туда, где на берегу были видны огни.

– Это Малибу, – сказал я. – Там живут все кинозвезды.

– Что ты теперь будешь делать? – спросила наконец она.

– Точно еще не знаю. Наверно, нужно завтра зайти к Максвеллу. Может, он чем-нибудь поможет. Кажется, я его заинтересовал.

– Всегда только завтра, – горько заметила она. – Счастье всегда нас ждет только завтра...

Мимо нас прошли двое мужчин с длинными удилищами. Один волок за собой почти метровую барракуду.

– Эта гадина уже никому не причинит зла, – сказал он приятелю.

– А что будешь делать ты? – спросил я Глорию.

– Я схожу с круга, – сказала она. – Этой мерзостью я сыта по горло.

– Какой мерзостью?

– Жизнью.

– Почему ты даже не пытаешься добиться хоть чего-нибудь? – спросил я. – Ты же просто ни во что не веришь. Серьезно. Я не шучу. И заражаешь своим неверием и пессимизмом всех, с кем имеешь дело. Взять, например, меня. Пока я не познакомился с тобой, мне и в голову не приходило, что я могу не добиться успеха. А ведь я даже мысли не допускал, что могу потерпеть крах. И что теперь?..

– Слушай, ты! – возмутилась она. – Кто тебя этому научил? Это же не твои слова.

– Ну почему, мои, – смутился я.

Она взглянула на море в сторону Малибу.

– Какой смысл человеку уговаривать самого себя? – заговорила она после паузы. – Я хоть знаю, что со мной.

Ничего не ответив, я смотрел на океан и думал о Голливуде, и мне пришло в голову: а был ли я здесь вообще, вдруг

я завтра проснусь в Арканзасе и мне снова придется с утра пораньше разносить газеты.

– Ах ты сукин сын! – закричала Глория. – Что ты на меня так уставился? Я сама знаю, что ни на что не годна...

«Она права, – подумал я, – она совершенно права. Ни на что не годна...»

– Жаль, что я не умерла тогда в Далласе, – сказала она. – И никто не убедит меня, что врач спас мне жизнь по одной-единственной причине...

Я ничего не ответил, все еще смотрел на океан и думал, что она совершенно права, говоря «ни на что не годна», и что очень жаль, что она не умерла тогда в Далласе. Определенно на том свете ей было бы лучше.

– Я просто проклята судьбой. Невезучая я. И никому я не нужна, – продолжала она. – Перестань на меня так смотреть!

– Вовсе я на тебя не смотрю. Да ты и лица моего не видишь.

Она лгала. Лица моего она видеть не могла. Было слишком темно.

– Не пойти ли нам внутрь? – спросил я. – Рокки хотел тебя видеть.

– Этот мудака? Знаю я, чего он хочет, но больше не получит. Ни он, ни кто другой.

– О чем ты?

– Ты что, не знаешь?

– Чего я не знаю?

– Что Рокки нужно?

– А... ну ясно... Теперь до меня дошло.

– Никому из вас ничего другого не надо, – сказала она, – но это дело обычное. Ох, да мне все равно, что я давала Рокки; он мне оказывал ту же любезность, что и я ему, – но что, если бы я залетела?

– Ну, теперь-то ты так не думаешь, надеюсь? – спросил я.

– Вот именно что думаю. Раньше я всегда была начеку. Но что, если бы вдруг обзавелась ребенком? Что тогда? Ты же видишь, что бы его ждало, когда он вырастет, а? То же, что и нас.

«Она права, – сказал я себе, – она совершенно права. Ребенок вырастет, и ждать его будет то же, что и нас...»

– А я этого не хочу, – продолжала она. – Со мной все кончено. Весь мир для меня – гадючник, и со мной – всё. Мне будет лучше, когда я умру, и всем остальным тоже. Я только порчу все, за что ни возьмусь. Ты сам это сказал.

– Когда это я такое говорил?

– Только что. Сказал, что, пока не знал меня, тебе и в голову не приходило, что ты можешь потерпеть крах... Но это не моя вина. Я ничего не могу поделать. Однажды я хотела покончить с собой, но не сумела, и уже никогда не наберусь смелости попробовать еще раз... Хочешь оказать миру услугу? – внезапно спросила она.

Я ничего не ответил; слушал, как океан с шумом бьется о сваи, чувствовал, как мол содрогается от ударов, и думал,

что все ее слова – чистая правда.

Глория копалась в сумочке. Когда она вытащила руку, в ней был маленький револьвер. Никогда раньше револьвера этого я не видел, но не удивился, нисколько не удивился.

– Вот... – Она подала его мне.

– Я не хочу. Убери, – сказал я. – Пойдем, вернемся внутрь. Мне холодно.

– Возьми его и подсоби Господу Богу. – Она втиснула револьвер мне в руку. – Застрели меня. Только так ты мне можешь помочь, чтоб я больше не мучилась.

«Она права, – сказал я себе. – Только так ей и можно помочь, чтобы больше не мучилась».

Маленьким мальчиком я проводил все лето у деда на ферме в Арканзасе. Однажды я стоял там у амбара и смотрел, как бабушка варит в большом тазу травяное мыло, и тут во двор пришел дед, ужасно расстроенный.

– Нелли сломала ногу, – сказал он.

Мы с бабушкой по ступенькам перебрались через плетень в поле, где дед перед этим пахал. Старая Нелли, все еще запряженная в плуг, лежала на земле и ржала от боли. Мы стояли там и смотрели на нее, только смотрели, и все. Дед вернулся с ружьем, с которым воевал в Гражданскую войну у Чикануга-Ридж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.